

РОСТЕР

11 НОЯБРЬ 1975

КОСТЁР

11
НОВАБРЬ
1975

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Создан в 1922 году
Издается с 1936 года

© «Костёр», 1975 г.

Ду, как всегда,
октябрь ветрами,
как дуют при капитализме.
За Троицкий дули авто и трамы,
обычные рельсы вымев.
Под мостом Невы-река,
по Неве плывут кронштадтцы...
От винтовок говорка скоро
Зимнему шататься.
В беженном автомобиле,
покрышки сбивши,
тихий, вроде упакованной трубы,
за Гатчину, забывшись,
улепетывал бывший —
«В рог, в бараний!
Взбунтовавшиеся рабы!..»

Видят редких звезд глаза,
окружая Зимний в кольца,
по Мильонной из казарм
надеваются кеcksгольмцы.
А в Смольном, в думах
о битве и войске,

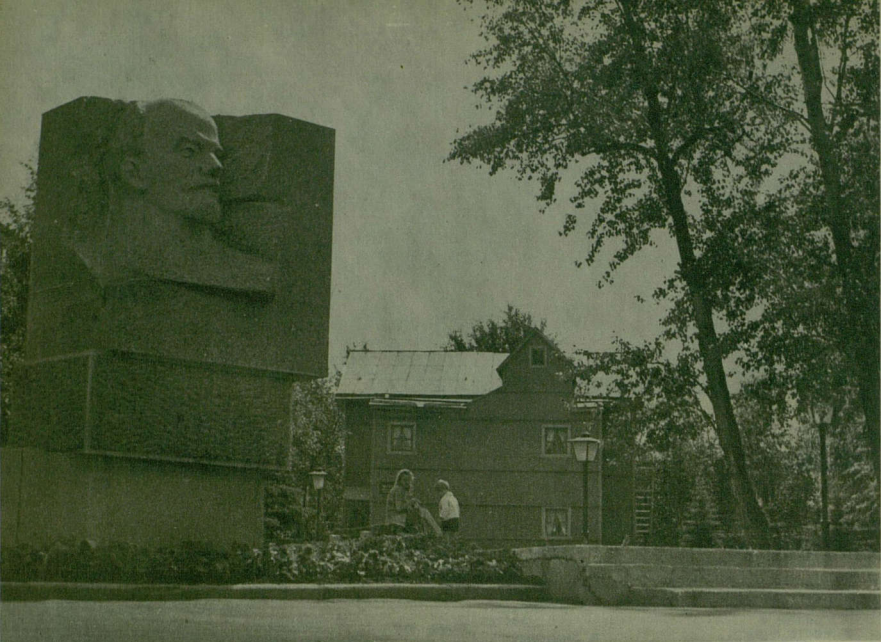
Ильич гримированный мечет шапки,
да перед картой Антонов с Подвойским
втыкают в места атак флажки.
Лучше власть добром оставь,

никуда тебе не деться!
Ото всех идут застав
к Зимнему красногвардейцы.
Отряды рабочих, матросов,
голи

дошли, штыком домерцав,
как будто руки сошлись на горле,
холеном горле дворца.

В. МАЯКОВСКИЙ
Из поэмы «ХОРОШО!»

Рисунок А. Харшака

Ленинград.
Музей
революционной
истории
Невской
заставы
В этом
доме
жил
В. А. Шелгунов

В. А. Шелгунов
Фото И. Колтуна

Поезд шел медленно, останавливался на всех маленьких полустанках, иногда застревал в степи, и тогда пассажиры испуганно переглядывались: совсем недавно окончилась гражданская война, недобитые белогвардейские банды нападали на поезда.

Шелгунов ехал в товарной теплушке. Он давно уже потерял зрение, читать не мог и сейчас, лежа на жестких нарах, пытался представить, как все это будет в красном Питере. Много лет не был он в этом городе, неудивительно, если о нем все забыли. Но подумав так, он тут же с гордостью подумал: есть человек, который его не забудет. Шелгунов был одним из первых рабочих-революционеров, с которым этот человек познакомился в Питере более двадцати лет назад. Ловко ускользнув

И Шелгунов при свете керосиновой лампы читал иногда до утреннего заводского гудка. Но книги были не всегда понятны и часто об одном и том же говорили по-разному.

Однажды один интеллигент-марксист сказал Шелгунову:

— Завтра — воскресенье, приходите ко мне в восемь утра. С вами хочет познакомиться очень интересный человек.

К предстоящей встрече Шелгунов отнесся равнодушно: еще один интеллигент будет уговаривать побольше читать. Всё читать да читать! А когда же действовать?!

Незнакомец пришел точно в восемь. Невысокий, широкоплечий, с небольшой рыжеватой бородкой, он сделал шаг навстречу Шелгунову и представился:

— Меня зовут Владимир Ильич, а вас, я знаю, зовут Василий Андрееч. Здравствуйте. — И увидев в руках Шелгунова книгу, спросил: — Чем интересуетесь? Что за книга? Кто автор?

«Так и есть, — подумал Шелгунов. — И у этого на уме одни книги. Сейчас похвалит, что читаю «умную книгу».

— Автор толком себя не назвал. Вот... — Шелгунов показал на обложку. — Какой-то Николай-он.

— А, знаю, знаю. Читал. Зря теряете время, Василий Андрееч. Ничего нужного для рабочих в этой книге нет...

Завязался разговор, необычный, совсем непохожий на предыдущие разговоры с интеллигентами. В разговорах с интеллигентами Шелгунова часто раздражал их поучительный тон, их слабое знание истинной рабочей жизни. И вдруг этот неизвестный ему человек говорит совсем другое и по-другому, не как учитель с неразумным учеником, а как равный с равным. Легкими шажками он ходит по небольшой комнате, иногда останавливается перед Шелгуновым и, чуть склонив набок голову, говорит:

— Некоторые наши интеллигенты убеждены, что они все знают лучше рабочего, что рабочие должны их слова принимать на веру, не сомневаясь в них. Какой вздор! Опаснейшее заблуждение! Конечно, интеллигенты могут многому научить рабочего, многое объяснить, но и сами они должны многому учиться у рабочих...

Это было то, о чем Шелгунов думал не раз, но не решался сказать вслух...

Протяжный гудок паровоза предупредил — сейчас будет станция. Поводырь — он сопровождал слепого Шелгунова — встретился:

— Может, кипяточку принести, Василий Андрееч? Я мигом...

— Не надо, дружок.

Шелгунова теснили воспоминания, было радостно сознавать, что его учителем был Ленин. Он до сих пор не может забыть радостного удивления, когда впервые услышал от Ленина:

РАБОЧИЙ ШЕЛГУНОВ — УЧЕНИК ЛЕНИНА

Н. ХОДЗА

от полицейских шпиков, он появлялся в точно назначенное время в комнате слесаря Василия Шелгунова, где его ждали рабочие. Сбросив потерятое пальто, он проводил широкой ладонью по лысеющей голове и жестом предлагал сесть всем за стол:

— Начнем, товарищи, занятия. Продолжим чтение «Капитала» Маркса.

Это было так давно, но память сохранила все, начиная от первой встречи с этим необычным интеллигентом. В те годы слесарь Василий Шелгунов уже понимал, как несправедливо устроена жизнь. Рабочие живут в жалких сырых лачугах, работают от зари до зари, они бесправны, неграмотны, забыты, никто не может защитить их от произвола мастеров и хозяев. Что делать? Как изменить жизнь, чтобы рабочий стал полноправным человеком?

Шелгунов прочел много книг, встречался с образованными людьми (рабочие называли их интеллигентами), пытаясь найти ответ на вопрос: как бороться за лучшую жизнь рабочих. Интеллигенты были разные. Одни называли себя социалистами, другие — народниками, третьи — марксистами, и каждый говорил свое, но все заканчивали разговор одним и тем же советом:

— Читайте! Как можно больше читайте! В книгах вы найдете ответ на многие вопросы.

— Настало время приступить к созданию революционной партии, и боевым ядром ее должны стать рабочие — участники наших подпольных кружков.

И тут же дал Шелгунову задание организовать на заводах новые подпольные революционные кружки...

Их арестовали почти в один день — Ленина и Шелгунова. На допросе жандарм показал Шелгунову фотографию Ленина:

— Вы, конечно, знаете, кто изображен на этой фотографии?

— Не знаю.

Жандарм усмехнулся:

— Постарайтесь вспомнить, это облегчит вашу участь.

— Не знаю.

Как ни старался следователь добиться признания, что человек на фотографии — Ленин, руководил революционными рабочими кружками, Шелгунов твердил свое: «Не знаю» ...

Свыше года просидели в петербургской тюрьме Ленин и Шелгунов. А потом им объявили приговор и сослали в разные концы необъятной России.

...Они увиделись через восемь лет, в бурные дни революции пятого года. Ленин вернулся из эмиграции и в первый же день приезда встретился с группой активистов Петербургской организации большевиков. Заметив Шелгунова, Ленин оборвал разговор с товарищами, поспешил навстречу старому соратнику, обнял его и поцеловал.

В эти накаленные дни первой русской революции Шелгунов бывал почти на всех выступлениях Ленина и каждый раз после такой встречи чувствовал живительный прилив энергии. Он забывал о своей слепоте, его можно было увидеть на многих заводах Питера, на митингах, куда он нес пламенные слова Ленина.

Новый арест опять разъединил его с Лениным. Разъединил надолго, на целых десять лет. Новая встреча состоялась уже в революционном Петрограде. Огромная толпа заполнила площадь перед Финляндским вокзалом. Питерский пролетариат встречал своего вождя — Владимира Ильича Ленина. У дверей вокзала стояла группа старых товарищей Ленина и среди них слепой большевик, ветеран русского социал-демократического движения Василий Андреевич Шелгунов. Ленин узнал его сразу и радостно приветствовал.

С этого дня энергия Шелгунова как бы удоялась. Нужно было бороться не только с буржуазным Временным правительством, но и с предателями интересов рабочего класса — эсерами, меньшевиками, анархистами...

Летом Шелгунов уехал на Северный Кавказ. Он рассчитывал пробыть там недолго, но тяжелая болезнь спутала все его планы. О победе Октябрьской революции он узнал из газет. Это был самый счастливый день его жизни.

Началась гражданская война; Кубань, где жил Шелгунов, оказалась отрезанной от Питера. На Кубани хозяйничали белогвардейцы. Для большевиков они признавали только одну меру наказания — расстрел. Шелгунову, как и при царе, пришлось уйти в большевистское подполье. Но Красная Армия наголову разбила врагов молодой Советской республики, и дорога на Петроград стала свободной.

Десять дней пути в товарном вагоне, и наконец — Питер!

Он стоит на шумной площади Восстания, стоит взволнованный, немного растерянный от множества захлестнувших его чувств. Три года назад он покинул этот город, в котором всю сознательную жизнь вел непримиримую войну с врагами рабочего класса, и вот снова здесь, где его учитель Ленин провозгласил победу пролетарской революции.

— Петроградская правда! Красная газета! — выкрикивают горластые мальчишки-газетчики.

— Кули! Скорее! — просит Шелгунов поводыря. — Купил? Ну, что там? Читай громче.

И поводырь читает: «Питерские рабочие первые будут приветствовать завтра членов Конгресса III Интернационала».

— Когда и где откроется Конгресс?

— Завтра, в двенадцать часов, в Таврическом дворце.

В окружении старых питерских рабочих-большевиков Шелгунов вошел в зал заседания. Он сел у прохода, в одном из последних рядов амфитеатра. Зал взорвался аплодисментами, и Шелгунов понял: в президиуме появился Ленин.

Ленин аплодировал собравшимся в зале революционным интернационалистам всего мира и пристально всматривался в лица собравшихся, точно кого-то выискивал в зале.

Наконец овация смолкла. «Сейчас объявят об открытии», — подумал Шелгунов. Но тишину в зале никто не нарушил. Это было Шелгунову непонятно. Слепой, он не видел, как Ленин покинул президиум и устремился вверх по проходу. Через несколько секунд Шелгунов услышал в тишине торопливые шаги: «Кто-то спешит, видно, опоздал к открытию». Но шаги все ближе, ближе и вдруг остановились в проходе, рядом с ним. Сам не зная почему, Шелгунов встал.

— Василий Андреич! Здравствуйте, дорогой мой!

Он почувствовал крепкие объятия Ленина и уже не слышал, что говорит ему вождь мировой революции, потому что все участники Конгресса вскочили с мест и, стоя, взорвали зал долгими аплодисментами...

...Эта встреча была прекрасная своей человечностью». Так написал потом о ней участник Конгресса чешский писатель-коммунист Иван Ольбрахт.

В ТЮРЬМЕ

РАССКАЗ

Борис РАЕВСКИЙ

Рисунки В. Бескаравайного

В екатеринославской тюрьме так уж было заведено: политического обычно пихали в камеру к уголовникам.

Тюремное начальство поступало так неспроста. Оно отлично знало, что уголовники недолюбливают «политиков». Вот пусть посидит «борец за священные идеалы» с ворами, насильниками да бандитами, расхочется бунтовать.

Шелгунова поместили в общую камеру, где находилось шестнадцать уголовников. Почти все они были люди молодые, но уже много в жизни преуспевшие.

Верховодили в камере «Иваны» — так уголовники называли меж собой бандитов-рецидивистов, «Иванов» в камере было двое. Один, Федька-Семь Мозолей, попался, когда, угрожая топором, пытался ограбить проезжего купца. Второй, Маркиз, тоже грабитель, сидел в тюрьме уже шестой раз, хотя было этому Маркизу всего двадцать три года.

«Шпанка» — мелкие воришки, аферисты, всевозможные жулики и мошенники, беспрекословно слушались «Иванов».

Надзиратель закрыл за Шелгуновым тяжелую дверь, со скрежетом задвинул засов.

Шелгунов огляделся. Был он в темных очках, а в камере к тому же — полумрак. Но все же он видел: во всех углах расположились группы заключенных. Справа — резались в карты. Ближе к окну — чаевничали.

— Здравствуйте, — сказал Шелгунов.

Никто не ответил.

Только из-за стола рыжий тощий парень, глядя на широкую — веером — бороду Шелгунова, дурашливо крикнул:

— Заходи, дед! Где бабку-то потерял?!

И сам же первый взалхб загоготал.

Громко заржали и его соседи.

«Да, радушно встретили», — подумал Шелгунов.

Он постоял у двери, огляделся и, высмотрев слева на нарах свободное местечко, двинулся туда. Положил на нары свой пиджак и уже хотел сесть, как все тот же дурашливый парень заорал:

— Эй, дед! Плацкарта занята!

Шелгунов внимательно посмотрел на него.

«И впрямь занята? Или так... забавляется?»

Но видел Шелгунов плохо. Лицо парня мажало вдали тусклым серым пятном. Поди тут разбери, какое у него выражение.

Шелгунов взял пиджак, неторопливо оглядел нары. Вот, справа, кажется, свободно.

Он прошел туда, бросил на нары пиджак.

— Эй, дед! — давясь от радости, крикнул все тот же рыжий парень. — Тут плацкарта тоже занята.

Шелгунов нахмурился.

— У тебя, у одного, — два билета? — спросил он.

— Нет, это не моя спальня-почивальня. Это вот господина Маркиза, — парень ткнул пальцем в сидящего рядом мрачного лохматого верзилу.

— Ага, — сочным басом подтвердил Маркиз. — Мой.

Шелгунов понял: его разыгрывают. Но твердой уверенности все-таки не было. Да и вот так, едва явился, сразу ссориться — не хотелось.

Он послушно перешел на другие нары.

Но едва сел, дурашливый парень сразу заорал:

— Эй, эй! Тут Игнатий спит!

Однако Шелгунов не шелохнулся. Нет, все. Хватит...

Лег на нары. Сделал вид, что заснул.

«Будут еще приставать? Или угомонятся?»

Пока его не трогали. Но Шелгунов не очень-то верил этому спокойствию. Он знал жестокие нравы уголовников. Знал: если уж они взялись за новичка, так просто не отступятся. И горе тому новичку, который не сможет дать отпор. Насмешки и издевательства будут расти. С каждым днем все больше и больше. Новичка заставят убирать камеру за всех, прислуживать «Иванам», выносить парашу, он станет удобной мишенью для шуточек и развлечений всей камеры.

Нет, надо проявить твердость. Сразу же. Да, сразу показать — не на такого наравались...

Шелгунов задремал.

Во сне виделась ему манифестация. Идут по Чечелевке рабочие. И красный флаг вьется впереди.

Красный флаг на улице! Не часто увидишь такое!

Шелгунов улыбнулся во сне. Да, ловко получилось! Колонна прошла уже по всей Чечелевке, и лишь тогда появилась конная полиция.

Эта манифестация, очевидно, и послужила толчком к его аресту.

Да только ли его?!

Шелгунов заворочался на нарах.

Он не знал: в ту ночь, когда его арестовали, жандармы словно извелились — обсыжи шли повалыные, по всему Екатеринославу. Вскоре чуть не весь городской комитет партии оказался за решеткой.

А еще приснился Шелгунову Бабушкин. Совсем молодой, улыбающийся. Таким видел его Шелгунов последний раз.

Где же это было? Да ясно где — в Питере. А когда? Лет шесть, пожалуй, даже семь... Да, семь лет назад.

Шелгунов повернулся, открыл глаза. Вспомнил тот день.

Иван Бабушкин был и вообще-то моложе Шелгунова, а в тот яркий воскресный денек казался совсем молодым. Русоволосый, безбородый. Только глаза — чуть красноватые, припухлые — старили его. А то бы — совсем мальчишка.

Шелгунов усмехнулся. Он давно уже подметил, что он и Бабушкин чем-то похожи. Оба слесари. Оба работают с малолетства. Оба из ульяновского «Союза борьбы». И, как на грех, у обоих — глаза большие.

И здесь, в Екатеринославе, Бабушкин тоже был. До Шелгунова, в ссылке. Типографию наладил, кружки рабочие. Прозвали Бабушкина здесь «Товарищ Трамвайный» (потому что на прокладке трамвайных путей работал). А его, Шелгунова, сперва так и величали — заместитель Трамвайного. Да, он заменил здесь Бабушкина. А где тот теперь? Неизвестно.

Шелгунов снова задремал.

Во сне силится он спросить Бабушкина: «Где ты, Ваня?» И не может. Не может — и все тут.

Проснулся Шелгунов от резкой боли. Спросонок он даже не понял — где болит? И почему?

Раскрыл глаза. Сел.

Болела нога. Резко.словно ее пилили.

Он посмотрел. Что за черт?

Нога горела. Да, да, горела! Внизу, возле пальцев.

Шелгунов рванулся. Ухватился за ногу. Ладонями стал гасить пламя. Потом сообразил: горит что-то, торчащее у него между пальцев. Вырвал это «что-то». Оказалось, скомканная, свернутая жгутом бумага.

Но кто заснул жгут ему меж пальцев?

Шелгунов обвел глазами камеру. Некоторые из соседей спали, другие делали вид, будто ничего не знают. Третьи смеялись.

Кто же устроил забаву?

Шелгунов переводил взгляд с одного на другого.

У всех у них были лица не дай бог.

Маркиз — одутловатый, с глазами совсем заплаканными — гулко хохотал. Так гулко, словно в бочку ухал.

Тшедушный рыжий парень заливался, лежа на спине и указывая рукой на Шелгунова.

— Спекса! Печенный-жареный, зато не вареный! — пронзительно выкрикивал нахальный парень.

«Он?» — подумал Шелгунов.

Но откуда знать, кто именно сделал пакость?

«Все одно, — решил Шелгунов. — Так это спусить нельзя».

Он неторопливо подошел к тошему парню. Молча ухватил его — одной рукой за брючину, другой за рубаху — и вдруг резко вскинул над головой.

Рыжий парень теперь висел где-то под са-

мым потолком. Болтал руками и ногами, извивался, дергался, как жук на булавке. Но Шелгунов, не обращая внимания на все его судороги, неторопливо расхаживал по камере, держа парнишку на вытянутых руках.

— Вот сейчас отыщем крюк крепенький и подвесим добра молодца, — словно раздумывая вслух, сказал Шелгунов. — Пусть повисит, проветрится, авось дурь из башки и выдует. — О-ой! — орал парень. — Не надо, дяденька!

Но Шелгунов будто и не слышал его криков. Левую руку Шелгунов опустил, и теперь парень висел у него на одной правой.

Это было эффектно! Как в цирке. Такой груз — три пуда, а может даже четыре — на вытянутой руке!

Уголовники — народ жестокий. И непостоянный. Больше всего на свете они уважают силу.

— Лихо! — крикнул Федька-Семь Мозолей и поскреб переносицу. — Вот тебе и дедок! Ну как, Никишка, поветрился?

Он захохотал.

Это послужило сигналом. Сразу гулко загрохотал Маркиз, а за ним и вся камера.

— Ой-ой! — дурашливо орал Никишка. — Пусты, дяденька! Больше не буду! Вот те крест, не буду!

Шелгунов еще поносил его по камере, потом опять, словно рассуждая вслух, сказал:

— Бросить, что ль?

— Знамо, бросить! Чего таскать-то этакую падаль? — тотчас отозвался Маркиз.

Но бросать Никишку Шелгунов не стал.

— Ну, ладно! — сказал он. — Авось поумнеет!

И опустил парня на пол.

Больше к Шелгунову не приставали. После этой истории он стал полноправным жителем камеры № 9.

Шли дни. Тусклые и безрадостные. Похожие друг на друга, как вылинявшие тюремные одеяла.

Из дней складывались недели. Из недель — месяцы.

Кормили в тюрьме плохо. Ши из капусты. И на второе — тушеная капуста. И на ужин — капуста.

Этой осточертевшей капусты тюремное начальство по дешевке заготовило осенью целую гору. И теперь шармливало ее заключенным. Прихваченная морозом, безвкусная, при одном взгляде на нее мутило.

— Тыфу, мерзость! — в сердцах воскликнул Шелгунов, когда на обед снова получил миску чуть теплой капусты, издающей сильный тошнотворный запах.

— Да, — отозвался Маркиз. — Что поделаешь! Тюрьма она, вестимо, не ресторан...

— Бороться надо! — сказал Шелгунов. — Потребовать сюда этого Черта Рыжего и заявить протест.

Чертом Рыжим прозвали начальника тюрьмы — капитана Чарторыжского.

Капитан был уже немолод, высокий, подтя-

нутый. Лицо — интеллигентное. И к «политическим» обращался всегда подчеркнуто вежливо. Никогда не скажет — «ты». Неизменно — «вы».

Говорили, что Чарторыжский — заядлый игрок и все ночи проводит за картами в игорном клубе.

Интеллигентность, однако, не мешала капитану быть хладнокровно жестоким. Казалось, он презирает заключенных. Всех, без разбора. Разговаривая, он смотрел куда-то поверх головы арестанта. Вроде бы говорил он вовсе не с тобой. Ты для него — ноль, пустое место.

— Ну, что же, попробуй, заведи баталию с Чертом Рыжим, — сказал Шелгунову Маркиз. — Однако не советую.

— А я все-таки попытаюсь, — возразил Шелгунов.

Но начать войну с начальником тюрьмы ему не удалось.

К вечеру у Шелгунова вдруг вспыхнула сильная боль в животе. Казалось, какой-то громадный бурав медленно и упрямо ввинчивается все глубже и глубже, разрывая внутренности.

Боль шла приливами. Ты утихает ненадолго, то вновь набрасывается с дьявольской силой.

Шелгунов всю ночь промучился, но шума не поднимал. Все надеялся: пройдет.

Но утром стало совсем невтерпёж.

Надзиратель — дежурный по этажу — встревожился: уж не тиф ли? Только не хватало в тюрьме эпидемии!

Шелгунова сразу перевели в лазарет.

...Вернулся он оттуда только через три недели. Искушальный, пожелтевший.

В камере шибанул ему в нос такой знакомый, ядреный, тошнотный запах.

— Так, — сказал Шелгунов. — Значит, попрежнему. Любимая капустачка!

— Она, милушка, — кивнул Маркиз. — Она, родненькая. А в лазарете? Как с кормежкой?

— Тоже неважно, — сказал Шелгунов. — Но все-таки без капусты.

За время, пока Шелгунов лежал в больнице, в камере появился еще один «политик». Звали его Михаил Краснощеков. Но Шелгунов привык называть его подпольной кличкой — Миша-наборщик.

Этого Мишу Шелгунов отвел в угол камеры, шепотом долго беседовал с ним. Потом Шелгунов сказал:

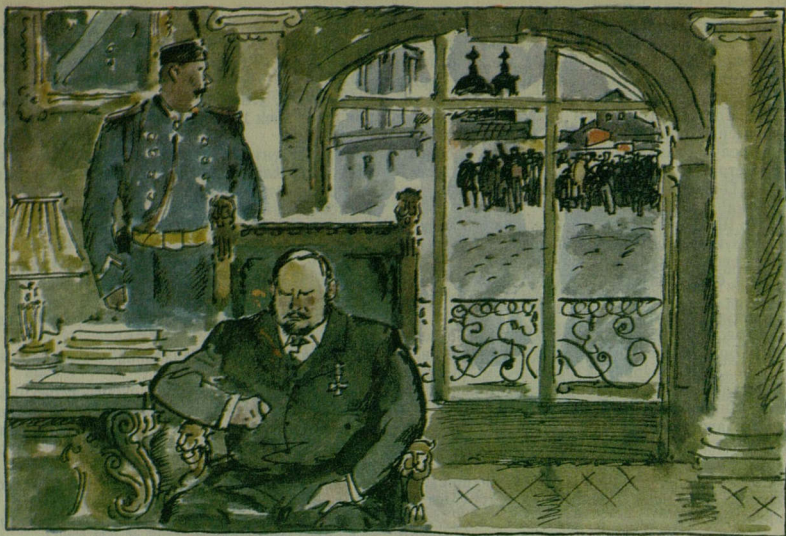
— Кто как хочет, а мы решили заявить Черту Рыжему протест.

— А дале что? — лениво спросил Маркиз. — Ну, заявите. А начальничек начихает на ваш протест — и все.

— Нет, не все, — возразил Шелгунов. — Тогда мы объявим голодовку.

— Да ну?! — изумился Маркиз.

Все тюремные жители знают: голодовка — сильное оружие. Тюремному начальству очень не по нутру, когда на воле распространяются слухи, что вот заключенных до того до-

вели — готовы на голодную смерть. Публика тотчас заваливает жалобами губернатора и прокурора. Рабочие и студенты устраивают митинги в защиту голодающих. Шум, разговоры...

Да, голодовка — сильное оружие. Но... Попробуй-ка посиди без пищи дней пять, шесть, а то и восемь?! Не каждому это под силу. Совсем не каждому.

— Ну, решено? — спросил Шелгунов у Миши-наборщика.

Тот кивнул.

Шелгунов подошел к двери и сильно забарабанил кулаком по металлической обшивке. Гул, грохот поднялся такой, будто стреляют из орудий.

В двери приоткрылся глазок.

— Ну?! — сердито окрикнул надзиратель. — Чего буянишь?

— Передайте начальнику тюрьмы: мне надо немедленно поговорить с ним.

— Немедля? — усмехнулся надзиратель. — А может, погодишь малость?!

Створка глазка опустилась.

Прошел час, два... Минуло три часа.

Шелгунов снова стал стучать кулаком по двери.

— Сызнова куролесишь? — открылся глазок. — По карцеру заскучал?

— Я требовал начальника тюрьмы...

— «Требовал»... — покачал головой стражник. — Ишь, генерал какой. Не греми. Про тебя уже докладено.

Однако прошел день — Черт Рыжий не появлялся.

Только на следующее утро лягнул засов и в камеру вошел начальник тюрьмы.

— Кажется, кому-то здесь не нравится? — чуть усмехаясь, спросил он.

Шелгунов коротко изложил жалобы заключенных. Главное — улучшить питание.

— Овощи весьма благотворны для организма, — сказал Чарторыжский. — Я и сам часто вкушаю капусту. И не жалею.

Он усмехнулся и посмотрел на надзирателя. Тот понятиливо кивнул и тоже заулыбался.

— Из-за вашей гнилой капусты заключенных мучают желудочные болезни, — сказал Шелгунов. — Предупреждаю: ежели наше требование не будет удовлетворено, мы объявим голодовку.

— Ах, вот как?! Угрозы? — Чарторыжский нахмурился. — Ну, что ж. Коли нравится голодать — пожалуйста...

Он ушел.

— Итак, — Шелгунов повернулся к Мише-наборщику. — С завтрашнего дня — голодовка?

Тот кивнул.

Неожиданно в разговор вмешался Маркиз.

— Вот Черт Рыжий! — воскликнул он и прибавил несколько крепких слов. — С этим гадом в темном переулке бы душевно потолковать! — он помахал огромным кулаком и снова выругался.

А кончил он неожиданно.

— Я тоже буду голодать! Вот! На зло Черту Рыжему!

Шелгунов внимательно оглядел Маркиза.

— Не советую, — сказал Василий Андреевич. — Знаешь присказку: «Вскачь землю не пахнут»? Так сгоряча, бах-трах! «Тоже буду голодать!» А голодовка — штука серьезная. Через денек-другой, когда живот сведет — пожалейшь. Не сдюжишь...

— Я-то? — возмутился Маркиз — Я не сдюжу?

Он оглядел сперва высокого плечистого Шелгунова, потом стоящего рядом с ним низенького, хлипкого Мишу-наборщика.

— Ну, ты, Василь Андрейч, — ладно. Ты — могуч. А этот вот — замухрыга... Выходит, он сдюжит? А я нет?..

Шелгунов пожал плечами.

— Не кипятись, — посоветовал он. — Обмозгуй все справно. А завтра скажешь.

— А мне и мозговать нечего! — взвился Маркиз. — Заявляю голодовку, и весь сказ. Мое слово — булат!

На следующий день, когда разносили пищу, дежурный по камере три порции вернул обратно.

И вскоре уже вся тюрьма знала: в камере № 9 трое объявили голодовку.

Голодать — всегда тяжело. Но особенно тяжело в общей камере. Вокруг тебя люди хлеблют суп, жуют хлеб, пьют чай.

— Надо лежать поболье, — посоветовал Шелгунов двум своим товарищам. — Поменьше двигаться. И учтите: первые трое суток — самые тяжкие. Потом полегчает.

Говорил он уверенно, будто голодовка для него — дело привычное. Но на самом деле все это он слышал на воле от более опытных товарищей. А сам он участвовал в голодовке впервые.

Шелгунов лег на нары, отвернулся к стене. Постарался заснуть.

Как назло, сон не приходил. Но Шелгунов упрямо лежал, сомкнув веки.

Так прошел весь первый день.

Уже поздно ночью, когда все заключенные спали, заснул и Шелгунов. Спал он беспокойно, ерзал, ворочался.

Проснулся чуть свет. Камера была вся наполнена густым храпом, сопением, тяжелым дыханием спящих. Кто-то надсадно кашлял, кто-то бормотал во сне.

Шелгунов лежал, не открывая глаз.

Голодовка уже давала себя знать.

Очень хотелось есть. Будто не было во рту ни крошки уже целый месяц. А ведь миновали всего сутки. Одни только сутки...

И сразу стало казаться, что тюремная похлебка — вкуснейшая штука. Даже осточертевшая капуста уже на второй день голодовки вдруг сделалась такой аппетитной, такой желанной, а ароматный дух ее прямо дурманил.

И от этого крепкого капустного духа делались спазмы в желудке. И казалось, прямо так

и чувствуешь — желудок сжимается, туго, еще туго, а потом со вскриком расправляется. И опять съезживается в комок, властно требуя: дай!

Когда ее принесли утром, эту самую капусту, Шелгунов взял три миски и вытряхнул в парашу. Вот так. От греха подальше. Уж больно пахнет соблазнительно.

Весь второй день он опять пролежал на койке.

Мысли все время возвращались к одному: знают ли в городе о голодовке? Что предприняли товарищи?

Может быть, выпустили листовку? Или собрали митинг? И очередной оратор охрипшим, сорванным голосом кричит:

— Позор тюремщикам!

— Позор! — несутся ответные возгласы из толпы.

А может — все совсем не так? Может, на воле все же не знают о голодовке? В городе все тихо, спокойно. А Черт Рыжий сидит у себя в кабинете и в ус не дует.

От этих мыслей на душе становилось зябко. И есть хотелось еще больше.

Уголовники — народ жестокий. Казалось бы, Шелгунов добивается справедливости не только для себя — для всех. И они вроде бы понимали это. Однако все это не мешало какому-нибудь Федьке-Семь Мозолей подойти к Шелгунову и, аппетитно жуя хлеб, спросить:

— Ну, как? Кишка с кишкой еще не разругались?

— Терпю, — отвечал Шелгунов.

— Ну-ну! Терпи, ерой, — и Федька-Семь Мозолей, удобно расположившись тут же, возле Шелгунова, продолжал смачно уплетать горбушку.

На прогулки ни Шелгунов, ни Миша-наборщик теперь не ходили. Берегли силы.

— Ну, нет! — сказал Маркиз, когда Шелгунов посоветовал и ему отказаться от прогулок.

Конечно, Маркиза легко было понять. Хоть и мал тюремный дворик, и обнесен высокой облупленной кирпичной стеной, размазанной буро-зелеными разводами плесени, а все-таки полчаса побродить по нему — самое большое удовольствие из всех, доступных заключенному.

Правда, крохотный дворик мощен булыжником, но смотришь — там травинка проклюнулась, а тут воробей вон притулится. Сидит, нахохлившись, на стене.

А наверху — клочок неба. Синего, высокого. И ветерок, пьянящий, веселый, который здесь, в тюрьме, — как дыхание свободы.

Но Шелгунов и Миша-наборщик понимали: теперь не до прогулок. Надо беречь каждую капельку энергии. Ведь силы-то уходят, а пополнения ни нет.

На второй день голодовки Маркиз вернулся с прогулки, как хмельной.

— Дождик махонький попрыскал, — сказал

он Шелгунову с такой радостью, будто ему вдруг объявили об освобождении из тюрьмы. — Пошупай, — и он, подсев на нары к лежащему Шелгунову, наклонил свою голову.

Волосы были мягкие, чуть влажные, и пахли весной. Вроде бы даже сеном. И парным молоком. Хотя — откуда сено, какое там парное молоко?!

На третий день голодовка стала совсем мучительной. Тело требовало пищи. Требовало так жаростно, что Шелгунову казалось — он готов грызть доску стола.

То и дело он поглядывал на Мишу-наборщика. Шупленький, тот лежал, отвернувшись к стене.

Шелгунов тоже старался лежать так. Не видеть никого и, главное, не видеть жующих, пьющих, чавкающих. Это было вовсе нестерпимо.

Ночью, когда камера затихла, Шелгунов все не засыпал. В маленькое окошко, пробитое высоко, под самым потолком, вливался слабый свет луны.

И вдруг Шелгунов увидел...

С крайних от дверей нар кто-то поднялся. Тихо-тихо.

И так же беззвучно, босиком, осторожно двинулся по камере. Он шел, то и дело оглядываясь. Сделает два-три шага, остановится, послушает и опять идет.

Шелгунов молчал. Прикрыв глаза, оставив лишь маленькую щелочку между веками, наблюдал.

Арестанта он узнал сразу. Огромный, одутловатый. Это был Маркиз. Конечно, Маркиз! Но куда он направился? И почему так беззвучно крадется?

Параша находилась совсем в другом углу. Куда же он?..

Маркиз медленно пересек камеру и подошел к нарам, где, скрючившись, спал тощий паренек — Никишка.

Низко наклонился к Никишке, послушал его мерное дыхание, снова огляделся и, воровато сунув руку под подушку, что-то осторожно вытащил оттуда.

И тотчас стал пятиться, отходить обратно к своим нарам. Но по пути он не выдержал, сунул это «что-то», украденное у Никишки, в рот и жадно заработал челюстями.

«Хлеб», — понял Шелгунов.

Он все так же лежал не шевелясь.

Маркиз вернулся к своим нарам, лег, накрылся с головой одеялом. Но еще долго слышал Шелгунов, как там, под одеялом, Маркиз тихонько сопел и жевал ломоть хлеба.

«Да, развеселые дела, — подумал Шелгунов. — Если другие арестанты узнают про такую голодовку — позора не оберешься».

А Маркиз, видно, совсем сдал. Больше ему не вытерпеть. А на вид такой огромный, сильный. Но решают, как всегда, не мускулы. Нет. Воля, характер — это поважнее.

Но как же быть?

Шелгунов долго лежал, глядя в мутный потолок. И все думал. Искал выход из тупика.

«Маркизу — ему ведь тоже нелегко, — думал Шелгунов. — С его-то самолюбием... Главарь камеры. И вот...»

Наконец Шелгунов придумал.

«Утром отзову Маркиза в сторонку, посоветую ему кончать голодовку. Пусть совершит что-нибудь. Будто сердечный приступ. Или еще что. А мы с Мишей продолжим. Вдвоем. До конца».

Так он и решил. С этими мыслями и уснул. Но утром уговаривать Маркиза не пришлось. Тот сам подошел к Шелгунову. Сел на нары. Тихонько сказал:

— Не могу. Больше мочи нет...

Шелгунов кивнул.

— Вы двужильные, что ль? — растерянно пробормотал Маркиз. — Этот хлюпик, Мишка, вовсе заморыш, мозгляк, а тоже вот — крепитесь. А я — уж извиняй — не могу...

Шелгунов снова кивнул.

— У Маркиза что-то с сердцем, — громко, чтобы слышали все в камере, объявил Шелгунов. — Ежели так — я запрещаю ему наперед голодать. А то еще померет тут. Грех будет на моей душе. А мы, вдвоем с Мишей, мы продолжим...

Маркиз молчал. Ни слова не говоря, полпелся к своим нарам. Лег, отвернулся к стене.

...Завтракал он вместе со всеми. Жадно ел капусту, хлеб, запивал чаем, а на шуточки товарищей — как, мол, сердце? Еще не остановилось? — кисло отвечал:

— Покамест еще тикает маленько...

На четвертый день голодовки дверь в камеру вдруг отворилась. Вошел прокурор, высокий старик, с прямой спиной и следами бывшей военной выправки.

Вслед за ним из коридора скользнул надзиратель и, обмахнув рукавом табурет, подставил его прокурору. Тот сел.

— Господин губернатор сообразовали распорядиться о нижеследующем, — сухо сказал прокурор. — Во-первых, улучшить питание заключенных. Во-вторых, улучшить медицинский уход в тюремном лазарете. И, наконец, в-третьих, начальник тюрьмы, господин Чарторыхский здесь больше служить не будет. Он переводится в другое ведомство. Надеюсь, вы удовлетворены?

Прокурор хмуро обвел глазами арестантов.

Честно говоря, Шелгунов даже и не ожидал такой быстрой и такой полной победы. Ну, перестанут давать капусту, на это он надеялся. Но что Черта Рыжего уберут — нет, об этом он и не мечтал.

А объяснилось все просто: Шелгунов не знал, что его товарищи на воле не теряли времени даром. Как только узнали о голодовке, — в городе началось такое, что губернатор за голову схватился. Митинги, листовки, заявления в столицу, манифестации.

Когда прокурор ушел из камеры, арестанты кинулись к Шелгунову и Мише-наборщику. Тащили им, что могли: кто — сухарь, кто — кусок сахара, кто — горбушку хлеба.

И они ели, ели, ели. Все подряд.

— Эй, эй! Ты не очень-то! — наконец опомнился Шелгунов. — После голодухи сразу не наваливайся. Нельзя.

...Прошло еще несколько дней. Кормили в тюрьме теперь гораздо лучше. Появились щи со свиной, и малюсенькие брусочки масла к ужину, и кисель. И даже баранки однажды дали.

Правда, такое великолепие длилось лишь три дня. А потом супы снова стали походить на обычную тюремную баланду. И мясо тоже почти исчезло. Но все-таки кормить стали лучше. Хоть обрыдлая капуста пропала — и то победа.

А еще через несколько дней в камеру ввели нового арестанта. Шелгунов взглянул и ахнул: Бабушкин!

Да, Иван Бабушкин! Тот самый Бабушкин, его друг еще по Питеру.

Вот так встреча!

Бабушкин крепко обнял старого друга.

— Да, свиделись, — сказал он. — Лучше бы, знамо, не в тюрьме. Но такого уж наша доля.

Бабушкин с тревогой смотрел на темные очки Шелгунова.

— Что с тобой, Вася?

— Плохо дело: слепну...

— А врачи?

— А врачи говорят: лечиться надо. Покой, режим, отдых и все прочее. Ну, в тюрьме, правда, тоже режим: завтрак, обед, ужин — все по расписанию. А все-таки тюрьма маленько отличается от курорта.

Отойдя к окну, друзья долго беседовали. Бабушкин шепотом рассказал Шелгунову о своей недавней встрече с Ульяновым, о всех партийных новостях.

— А здесь-то как ты объявился? — спросил Шелгунов. — Ты ж давно уехал...

— Да. Сцапали меня под Москвой. Ульянов поручил мне быть там корреспондентом «Искры». Ну, сперва пихнули во Владимирскую тюрьму. А потом, этапом, — сюда. Это у них так полагается — «по месту дознания».

Бабушкин сел на нары к Шелгунову, снова с болью поглядел на его темные очки.

— А тебя здесь не обижают? — вдруг спросил Бабушкин.

Уж он-то знал лютые нравы уголовников. А над послушным они рады, наверно, поизмываться.

— Его-то? — Маркиз подошел к Бабушкину. — Его избидишь, как же?! — он засмеялся.

И соседи тоже заулыбались.

И сам Шелгунов усмехнулся.

— Нет, покамест не жалуюсь. Не обижают...

Девиз Марша — «Берем с коммунистов пример!». Все пионерские дружины страны соревнуются за право рапортовать XXV съезду Коммунистической партии о своих делах.

Достоинство встретить XXV съезд КПСС для пионеров — это значит:

- горячо любить свою великую социалистическую Родину, быть правдивыми Коммунистической партии Советского Союза, во всем и всегда следовать заветам В. И. Ленина, воспитывать в себе лучшие черты советского человека, гражданина, интернационалиста, будущего строителя коммунизма;

- учиться на совете на уроках и внеклассных занятиях, в кружках, объединении по предметам. Постоянно пополнять и углублять свои знания, уметь помогать отстающим товарищам, выступать боевыми помощниками учителей в борьбе за всеобщую;

- вносить свой посильный вклад в трудные дела народа, воспитывать в себе любовь к труду, чувство рачительного хозяина своей школы, пришкольного участка, пионерского лагеря, но всему, что создано трудом народа. Берем пример с богатствами природы, готовиться встать в ряды славного рабочего класса и колхозного крестьянства;

- своей личной инициативой, активным участием в жизни своего звена, отряда, дружины, крепить ряды юных ленинцев, развивать лучшие традиции Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина;

- расширить кругозор, развивать творческие способности и дарования, укрепить здоровье, постоянно заниматься физкультурой, готовить себя к труду и обороне Родины.

Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

1. Лагерь пионеров

3. Утро наступило

2. Пионеры готовятся к походу по партизанским тропам

ТВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ РОВЕСНИК

Эти снимки сделаны на слете пионеров — туристско-санитаров и юных пожарников — в долине Тале в Татарии. Почти 3000 пионеров Чехословакии принимали участие в этом традиционном южнотомском празднике.

Участники слета соревновались между собой в умении овладении спортивными и туристическими дисциплинами, посетили деревни и туристические базы, посвященные памяти Словацкого антифашистского восстания 1944 года. Вечером у костра встретились с партизанами, которые сражались в этих местах.

Писала фотоматериал
Нозев Петр

«ПИОНЕРСКИЕ РЕЛЬСЫ — БАМУ»

БАМУ нужен металл.
Наша рбета стали собирать сырье. Мы заехали на чердак одного дома и увидели большую тачку, трубу. Сначала мы думали, что ее не снести. С большим трудом мы спустили эту трубу вниз. А трубу мы били дуком, то ствол не получился бы дополнительный металл.

Чукавин Игорь,
Владимир

Собирать металлолом мы решили всем классом. Сначала была выслана разведка, Люда Война и Тома Железская разведывала, а Полотебнов Олег видел раскиданный металлолом у автопарка. Сходили к лесосаду и пока дотасовали до школы ржавое, не вид никому не нужно железо, очень устали и решили не идти к автопарку. Но Валентина Ивановна, наша старшая пионервожатая, сказала, что мы пока на последнем месте и металлолома хватит только на пять сантиметров. «Ну, нет!» — подумали мы и дружно пошли к автопарку. Когда дотасовали оттуда к школе три дырявые железные дверцы от автовазашки, директор школы увидел нас и воскликнул: «Да вы целых полсотни тонн!» За какими-то полдня мы успели столько сделать. А друг наш метр на БАМУ уже проложен!

Лысков Алла,
Брестская обл.,
Белоозерск, школа № 3

МИЛЛИОН — РОДИНЕ

У нас в школе объявили сбор макулатуры. Наш класс встретил известие плохо. Никто не хотел носить макулатуру. Мы стояли на последнем месте.

На классном часе мы обсудили свое положение и решили занять первое место! И вот собирали, собирали и оказались на высшем месте. Прошел день — мы на четвертом, а еще через день вышли на первое. На первом месте стоим 5 часов. Сейчас сбор макулатуры продолжается, у нас уже 683 килограмма!

Савина Вадим,
Приморский край,
село Варфоломеевка

НИКУДА ИХ НЕ ВЫБЕРАЮТ!

...Почему на тижки ребята не обращают внимания! Наверное, все признают, если ученик учится средне, у доски записывается, то его нигде и не выбирают. Ведь это несправедливо!

Кузьменко Гали,
Крыль, село Николаевка

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ АКТИВИСТОМ?

Мы с подружкой Ленкой поспорили: она считает себя активисткой потому, что ходит на сборы. А я считаю, что она не активистка, ходить на сборы — ее обязанность: она председатель учкома.

Интервью по видеоскопу

В НОЯБРЕ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

Ребята Выборгского района Ленинграда рассказывают об инструкторе детской милиции Карпенкове Владимире Николаевиче.

ДЯДЯ СТЕПА С НАШЕЙ УЛИЦЫ

Некоторые несознательные старшунки-детей милиционеры пугают. Это даже глупо и вредно! Потому что малыши попадают в беду, забываются, например, а к милиционеру подходить бояться. А милиционер — первый помощник и защитник детворы!

Вот наш друг — Владимир Николаевич Карпенков — инструктор милиции, начальник детской комнаты. Он просто как дядя Степа всем помогает. Детские площадки организует! За малышами заступает, с подростками возится: то в лагерь их отправляет, то в школу идет, то к родителям.

А хулиганов его как бояться! А он все время на посту, его в любое время суток

страничка пионерского активиста

Я — звеньевая, но провожу еще много хороших дел и активисткой себя не считаю. Мне очень хочется, чтобы ребята помогли нам разобраться, что же значит быть нестойкими активисткой!

Наташа Соловцова,
г. Коммуноград

СОВЕРШЕННО НЕТ ВРЕМЕНИ!

Я член совета дружины, еще состою в поисковом отряде. Мы пишем письма в разные города, где есть памятник пионергероям. Собираем материал и копии доку-

ментов. И еще я в классе полиинформатор. Я каждую неделю составляю обзор о событиях и новостях в Советском Союзе и за рубежом.

Лариса Ефремилова,
Братск

можно на улице или во дворе встретиться в любую погоду! Он на посту. Детей ругает и защищает!

Вот он у нас какой Храбрый и добрый! Настоящий комсомолец!

ЭТО И НАШ ПРАЗДНИК

Мы работаем в кружке «Юный Л. Комсомолец». Наш штаб еще молодой, существует только год, но мы уже успели много сделать.

Расставим по всему поселку дорожные знаки. Обучаем малышей правилам юного движения, следим за порядком на столах.

Максимова Мария,
Алтайская область,
поселок А...

О МОЕЙ МАМЕ

Она не очень молодая, у нее уже волосы немного седой, но у моей мамы не обыкновенно доброе сердце. Она все умеет делать. Нас у нее пятеро, и у мамы есть медаль материнства. Моя старшая сестренка Наташа и я всегда хотим помочь маме, чтобы ей не было трудно с нами. И моя папа тоже старается маме помочь. У него очень много дел в совхозе. Он работает ветеринаром. Бывает, что папу вызывают на работу даже ночью. Однажды бычки поели зеленую траву, опьянели гербицидами, и у них раздуло жюветы. Приехали за папой, папа взял свой чемоданчик, отправился на ферму и почти бычков спас. У папы много дел на фермах. Мама — на работе, он и за нами присматривает. Моя мама работает в детском саду, где она ласкает, и они ее любят. В детском саду, где моя мама работает, ей подарили телевизор за хорошие отношения к детям и за чистоту в садике.

Когда мама нездорова, мы с Наташей сами нянчим сеструшку, ходим в аптеку, в магазин. И готовим что-нибудь вкусное. Летом на мотоцикле ездит с папой и мамой в лес на водокрутинках. Дружная у нас семья.

Зура Кершова,
Удмуртская
Суркардская обл.,
совхоз «Хазарбия»

КОГДА МАМА ГОВОРIT «МОЛОДЕЦ!»

В семье нас четверо. Кроме меня, еще две сестры и брат. А папы у нас нет уже десять лет. Мне было два года, когда он

умер. Мама нас одна воспитала. Я ее очень люблю и жалю. Мне кажется, что она работает больше всех. Она простая рабочая. В прошлом году ей за хорошую работу вручили орден Трудового Красного Знамени.

Сейчас мы уже все большие. Старшая сестра учится в училище, средняя в институте в городе, на физике. А брат уже работает.

Мама очень рада, что мои сестры и брат получили образование.

Я сейчас учусь в шестом классе. Когда старшая — уже шестой год учусь на отлично. У меня есть почетные грамоты. Но самая для меня дорогая награда, когда мама говорит «молодец».

Пушкарёва Ира,
Алма-Атинская область,
село Александровка

...Но, к сожалению, не все ребята так относятся к своим родителям, приходят к нам и другие письма. Вот одно из них:

...У нас во дворе есть Саша. У него мама с утра до вечера работает. Помогает с работами — шьет Сашу, чтобы взять у него ключи. Мы говорим Саше, чтобы он помог маме, а он отвечает всетади: «Я бы все сделал, если бы только зачетчик!»

Его мама и на работе работает, и дома работает, а он ее нисколько не жалует. А ведь он маме многое обязан! Мы хотим, чтобы о нем все знали. Это поможет ему исправиться!

Худякова Зоя,
Самарская область,
поселок Ишныки

№2
Pioneer gazette
1933

В прошлом номере Барабана мы рассказывали о старейшем пионерском журнале «Пленица», что выходит в Татарии. А вот о чем сообщила номер журнала в 1925 году.

СВОЯ СЕЛЬХОЗКОМУНА

В голодный год в городе Халинске был организован детдом им. Мулларова Вахитова.

Все учащиеся были из крестьянских семей, поэтому в 1922 году мы поросили, чтобы нам выделили для работы участки. Нам его дали летом. До сих пор мы хорошо работали на этом участке. А теперь думаем создать сельхозкомуну. Многие из того, что необходимо для коммуны, нам уже выделили. Скоро у нас будет своя сельхозкомунa.

Хидый Салихов

НАШ ОТРЯД

Наш отряд был создан в 1923 году. В нем сейчас около семидесяти пионеров и октябристов.

При отряде хорошо работают переплетный мастерская и сапожная. Пионеры сами ремонтируют свою обувь.

Мы выпускаем газету «Юный ленинец». Она получила на выставке вторую премию и награждена полугодовой подпиской на журнал «Барабан». (Этот журнал выходит в Москве).

Х. Ахтиязов

Почти
содержащие

Сколько
стоять
сухари?

ОДНАЖДЫ нам задали такую задачу: за 1/2 кг сухарей заплатить 1/4 рубля. Сколько стоит 1 кг сухарей? Хотя я и в пятом классе, но такие задачи решать не умею. Пришел ко мне Мишка, и я говорю: «Идивай решать вместе». Сели — ничего не выходит. Вдруг пришел Димка, мой младший брат. Ему пять лет, а он уже читает. Димке прочитал задачу и говорит: «Саша, я знаю, как задачу решать! Я рассуждаю — да ну! А Мишка говорит: «Пускай сядет». Димка говорит: «Проще просто — иди в магазин и посмотри, сколько стоят сухари».

Волода Будилев,
город Калинин

Как Петю
Чижова
меавеа
свеж

ОДНАЖДЫ Вася Лебедев на уроке русского языка испу читал сочинение про своего товарища Петю Чижова: «Однажды мы пошли в лес. Вдруг затрещали ветки и выскочил медведь. Он съел моего друга Петю Чижова и ушел в чащу».

Все смеялись, один Петя не смеялся. Он сказал: «А почему именно меня съел?» — «Ты что, шуток не понимаешь?» — спросил Вася. «А ты мне друг?» — «Друг». — «Вот и не пачкался бы, что медведь съел тебя». В следующий раз я напишу, что тебя проглотит «ворона»». — «Ото-мисти, да!» — сказала Вася. «Ты что, шуток не понимаешь?» — а свою очередь спросил Петя.

Зоя Сейкова,
Джамбулская
область,
село Байкадам

Не могло
отодвинуться!

ОДНАЖДЫ Вася Калачиков залез на дерево. Он стал дразнить ворону. Ворона терпела, терпела, а потом Васьино марьяны стало ее раздражать. Вдруг она не выдержала и как каркнет во все коронки горло! От неожиданности Вася не удержался на дереве и свалился. Падаю, он ударился о сук и проорчал, глядя на дерево: «Не могло отодвинуться!»

Оля Петровская,
Краснодарский край,
поселок Узловой

ПОХОЖ!

ОДНАЖДЫ на урок литературы учительница принесла портрет и сказала: «Ребята! Вот перед вами портрет Алешки Пешкова, который...» Не успела она договорить, как Андрей Р. (он сидит на первой парте) вдруг громко сказал: «Как на Максимка Горького похоже!»

Лена Позднина,
город Челябинск

ТЕЛЕХОДНЫЙ
МОЯК

ОДНАЖДЫ пошли мы на Устиновский пруд поплавать на плотках. Там устроили соревнование: разогнать плот да как врежешься во вражеский! Потом он тебе догонит и таранит со всею силой. Еле на ногах удерживались. Мы таранили Петкины плот, и Петка ринул в воду. Смешно загребав руками и хлопая ногами, Петка поплыл. Всплыл, словно дело было в море. Но мы-то знали, какой лодочник в пруду, хохотали. Вдруг Петка встал — воды в пруду ровно по колени! С тех пор его прозвали «Пешеходный моряк».

Роберт Газизов,
Свердловская область,
поселок Лозовый

Злополучная
теорема

...ВДРУГ грянула выстрел. Пыраты забежали по судану, как крысы перед шотером. «Снабствуй всех намертв!» — заорал капитан. Вдруг он свалился голодом! Анни Павловны: «Иванов, о чем задуумался? Встань и повтори теорему о параллельных прямых!» Иванов астал: «Если правые... если правые... то они... они образуют углы... Он не ставит двойку!»

Пиратский корабль томил.

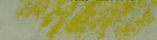
Ира Барышева,
Москва

СТРАХУ-ТО
БЫЛО!

...ВДРУГ мы услышали выстрелы. Испугались, побежали, падали в воду — это было несносно. Наконец, отдышались, вышли на псу — а это, оказывается, пастух! Бичами хлопал.

Татья Шакалова,
Павлодарская область,
село Лозовое

КАК СВЕРКАЕТ „ЗАРНИЦА“

«Как ветеран «Зарницы», — а я был на всех Всесоюзных финалах, — должен отметить: «Зарница-75» порадовала возросшей боевой и строевой выучкой юнармейцев, их высокой личной ответственностью за выполнение приказов командира. И объяснение этому только одно — большинство юнармейских отрядов — это правофланговые Всесоюзного пионерского марша «Всегда готов!».

*Член Главного штаба
«Зарницы»*

*генерал-майор в отставке
Николай Емельянович Аргунов*

«Я знал: все финалисты сдали нормы ГТО. И все-таки, честно говоря, побаивался, что десятикилометровый марш-бросок во время операции «Прорыв» для ребят будет трудноват. И что же вижу после марша-броска? Юнармеец батальона Света Молодиченко на привале пустился в пляс, а за ней и другие пионеры. Словом, когда командир полка запросил по рации: «Как чувствуют себя ваши юнармейцы?», я ответил: «Пляшут».

*Комбат-4 капитан
Федор Иванович Коптильин*

**Фото Н. Карасева
и К. Янушко**

О шестом Всесоюзном финале пионерской военно-спортивной игры «Зарница» военные говорили по-военному, юнармейцы — по-пионерски.

«На смотре строя и песни к нам один военный подходит и говорит: «Хорошо поете, и песня хорошая». А Света Шустова отвечает: «Мы ее сами сочинили».

*Саша Кунгурцев,
город Макаров,*

Сахалинская область

«Когда взяли высоту 112,0, пошли строить. Строились возле Мемориального дота Типанова. Типанов — это Герой Советского Союза. Он на этой самой высоте закрыл грудью фашистскую амбразуру. Смотрим, по бокам дота гильзы стоят и на них что-то написано. А

это фамилии бойцов, повторивших подвиг Матросова, и среди них — знакомые: Красилов и Черемнов! Мы об этих героях уже несколько лет материалы собираем. Как увидели — бегом за цветами...»

*Люся Богачева,
школа № 78, Барнаул*

«Все дни финала провел вместе с юнармейцами 8 «а» класса школы № 33 города

Таллина. В их отряд я был назначен командиром-наставником. Что скажу о своих ребятах? Веселые, дисциплинированные, каждый в любую минуту готов прийти на помощь товарищу. А это очень важно. Ведь армия начинается с «Зарницы». Я тоже был когда-то юнармейцем, потом в Суворовское пошел, а сейчас в высшем военном училище. Скоро буду офицером.

Курсант Геннадий Утешев

«Все-все здесь понравилось. И как танки в атаку шли. И как по юнармейским специальностям соревновались. И фонтаны в Петродворце. А еще — «Аврора» и Смольный...»

*Саша Евграфов
и Коля Урмашов,
г. Никольский, Казахская ССР*

Рассказы участников финала записал лейтенант запаса
В. ВЕРХОВСКИЙ

Ленинградская область,

июль 1975 года

САЛЮТ,
ПОБЕДА!

ПРИКАЗ ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ВОЕННОЙ ИГРЫ ПОХОДА „КУРС—ПОБЕДА!“

Дорогие юные друзья!

В ознаменование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне Советским комитетом ветеранов войны и редакцией журнала «Костер» была проведена военная игра — поход «Курс—Победа!».

Вас, участников похода, представителей всех республик нашей Родины, было около восьми тысяч человек. Вы разыскивали участников войны, уточняли места захоронений, помогали родным и близким узнать о подвигах их отцов и сыновей. Отряды следо-

пытов, участники похода взяли шефство над инвалидами войны и семьями погибших воинов, несли почётный караул у обелисков и памятников.

В своих письмах и отчётах вы рассказали о героических делах наших Вооружённых Сил, помогли журналу создать «Летопись похода».

Отмечая вашу большую и важную работу,

ПРИКАЗЫВАЮ:

За проведённый поиск героев Великой Отечественной войны, увлечение их памятниками, сбор ценных материалов для «Летописи похода»

НАГРАДИТЬ ГРАМОТАМИ И
ЦЕННЫМИ ПОДАРКАМИ:

- 1) Отряд красных следопытов из посёлка Змиевка Орловской области.
- 2) Отряд следопытов Дома пионеров им. Кости Янина, посёлок Свесса Сумской области.
- 3) Клуб следопытов им. Ю. Фучика, с.р.школа № 1, посёлок Санжурск Кировской области.
- 4) Отряд им. Н. Могильного, село Андровка Запорожской области.
- 5) Отряд юнармейцев из с.р.ш.ш. № 8, г. Лозовая Харьковской области.
- 6) Отряд следопытов 6 класса школы № 33 из г. Березовского Свердловской области.
- 7) Отряд «Искатели», Боровская школа Шенкурского района Архангельской области.
- 8) Поисковый отряд школы № 7 г. Миргорода Полтавской области.
- 9) Поисковый отряд 6 «б» класса с.р.ш.ш. села Тунка Бурятской АССР.

10) Отряд следопытов школы № 45 посёлка Джикнуль Колхадского района Таджикской ССР.

ЗАЧКАМИ «ПОДВИГОВ
ГЕРОЕВ БУДЬ ДОСТОИНИ!»
И ПАМЯТНЫМИ ПОДАРКАМИ:

Ларису Борисову, Светлану Чудиновских из г. Кирова, Олю Харламову из г. Новочеркасска, Ано Осташенко из г. Перми, Олю Дубинину из г. Читы, Павла Жевтнева из г. Фрунзе, Таню Сечко из пос. Лютань Минской обл., Васю Кушница из села Майдан Закарпатской обл., Игоря Плендиорина из г. Энгельса, Алешу Панова из Москвы.

Выражаю уверенность, что вы и в дальнейшем будете участвовать в военно-патриотической работе, продолжать поиск героев войны, помогать ветеранам и их семьям и изучать славную историю наших Вооружённых Сил.

Командующий походом
«Курс—Победа!»
генерал-майор артиллерии
И. КНЫШ

Рисунки
А. Курушина

ТРОЙКА С МИНУСОМ,

или

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ПЯТОМ „А“

Ирина ПИВОВАРОВА

ПОВЕСТЬ.

Рисунки Ю. Шабанова

Ирина Васильевна Залетаева пришла с работы, как обычно, ровно в шесть часов вечера. Она хотела было открыть дверь ключом, но передумала и позвонила. Она знала, что за дверью ждет ее дочь Анюточка, что она вскочит и побежит открывать ей дверь и для этого дважды звонить не придется.

Тр-р-рк, — протрещал звонок. Ирина Васильевна улыбнулась, представив себе, как вскакивает со стула Аня, как несет ей в переднюю тапочки.

Но странное дело, Аня и не думала торопиться.

Тр-р-рк, тр-р-рк, — нажала два раза подряд Ирина Васильевна.

Аня не открывала.

Нервничая, Ирина Васильевна нажала на звонок третий раз... и когда дверь не открылась, Ирина Васильевна уже была уверена, что случилось что-то ужасное.

Быстро вытащила она из сумочки ключ и, волнуясь, сунула его в замочную скважину...

В квартире было тихо и темно. Дверь в комнату была прикрыта.

— Аня, — позвала Ирина Васильевна. Никакого ответа.

Ирина Васильевна вошла в комнату.

В середине полуметной, сияющей чистой комнаты стоял стол с черными ножками и блестящей коричневой полированной крышкой. В полированной поверхности стола отражалась синяя вазочка из чешского стекла и лежащие в ней крупные оранжевые апельсины. Мягко колыхались белые тюлевые занавески — форточка была открыта, по комнате разгуливал свежий воздух. Возле торшера с двумя маленькими бумажными абажурами — голубым и желтым, на широкой зеленой тахте под большим пуховым платком лежала Аня. Лица ее не было видно, оно было повернуто к стене.

«Что такое? В чем дело? Она спит? Почему она спит?» — выхер пронеслось в голове у Ирины Васильевны, и она вспомнила, что позавчера тоже застала дочь спящей и тогда еще удивилась и встревожилась — Аня никогда не спала ни днем, ни под вечер, — а теперь вот, пожалуйста, опять...

— Аня, — тихо позвала Ирина Васильевна, подходя к Ане и стараясь заглянуть ей в лицо. — Аня, ты спишь?

Анины глаза были закрыты. Лицо у нее было бледное. На скулах горели лихорадочные пятна.

— Заболела, — ахнула Ирина Васильевна.

В тот день Тося Одуванчикова пришла в школу в полвосьмого. Ей не терпелось посмотре-

ть, лежит ли классный журнал на столе или не лежит.

Нет, классный журнал не лежал на столе. Зато в классе было как никогда в это время полно народу. В классе стоял гул. Во всех углах класса еще горячо обсуждалось позавчерашнее событие.

Но день прошел как обычно.

Отличался он от других дней только тем, что учителя, как и вчера, выставляли отметки не в журнал, а в тетрадку или просто на белый тетрадный листок.

После уроков к Тосе подошла Ира Сыркина.

— Тося, у меня к тебе поручение от совета отряда, — сказала она. — Сходи сегодня к Ане, навести ее. И захвати с собой учебники, расскажешь ей новые уроки.

— А почему именно я? — удивилась Тося.

— Потому, что ты сидишь вместе с Аней за одной партией. А у нас в классе такой порядок — кто сидит с кем за одной партией, тот ходит к тому объяснять уроки.

У них в той школе тоже был такой порядок. Но только Тося сидела за одной партией со своей лучшей подругой Нинкой Кошкиной. Тося к ней приходила каждый день, даже когда та и не болела.

А теперь идти к этой Залетаевой!.. Да она ее даже в дом не пустит. Как Ира Сыркина не понимает?!

Алик вызвался идти вместе с ней, но Тося сказала, что пойдет к Ане сама и постарается как можно скорее отбарабанить заданные на дом уроки. А что Алик пусть через час ждет ее в скверке возле Аниного дома. И тогда уж они спокойно смогут обо всем поговорить.

Ой как не хотелось Тосе идти к Ане Залетаевой! Как не хотелось!

Еще подумает, что она к ней подлизывается!

Еще подумает, что она с удовольствием пошла! Только и ждала, чтобы к ней пойти! Только и мечтала!

Еще подумает, что она сама напросилась!

Подождав, пока Тося отойдет на порядочное расстояние, Агафонов отправился за ней. Зачем? Он не знал. Просто ему хотелось идти вслед за Тосей. А что, не имеет права, что ли, человек идти, куда ему хочется?

Тося Одуванчикова явно направлялась не к своему дому. Уж что-то, а где находится Тосин дом, Агафонов знал прекрасно.

Тося шла не спеша и помахивала себе портфелем. Агафонов шел следом.

Сначала он шел по другой стороне улицы. Он думал — вот она сейчас оглянется и увидит его.

«Вот еще! — думал Агафонов. — Это мне ни к чему! На кой это мне надо, чтобы она меня видела! Еще решит, что я за ней иду».

Но Тося и не думала оглядываться.

Спокойно и медленно шла она по улице и только портфельчиком помахивала взад-вперед, взад-вперед, взад-вперед.

Тогда Агафонов стал потихоньку приближаться. Сначала он перешел на ту сторону улицы, где шла Тося.

«А вдруг обернется?» — думал он.

Но она не оборачивалась.

«Ну и пусть оборачивается!» — отчаянно подумал он.

Но она не оборачивалась!

И тогда Агафонов, забыв всякую осторожность, пошел за Тосей почти вплотную. Отчаянное сердце Агафопова сжимало непонятное волнение.

«Вот дура, — думал он, — не может обернуться!»

Тогда он ускорил шаг и подошел к Тосе еще поближе.

А она все не оборачивалась.

Тогда полный отчаянной решимости он стал насвистывать какой-то мотивчик, сначала тихо, потом все громче и громче...

Но она не оборачивалась.

И тогда Агафонов решился.

Лихо надвинул свою драную кроличью шапку почти на самые глаза, поглубже засунул руки в карманы и, как торпедный катер на полном ходу, двинулся вперед на ничего не подозревавшую безмятежную Тосю Одуванчикову.

Тося охнула и отлетела в сторону.

— Дурак! — донеслось до Агафопова.

И столько неподдельного чувства было вложено в это нехитрое слово, что Агафонову стало не по себе.

Он обернулся. Тося синей варежкой стряхивала с воротника снег.

— Эй, ты! — сказал Агафонов. — Ты не очень-то! А то...

И лицо его по привычке само по себе вдруг скорчило такую угрожающую гримасу, что ему самому стало и тошно и противно.

— Дурак, — еще раз с сердцем сказала Тося и, не глядя более на Агафопова, и прищурив глаза, и подняв кверху свой прекрасный маленький нос, усеянный бесчисленным числом нежно-желтых микроскопических веснушек, надменно прошествовала мимо... Мимо оторопевшего и незадачливого, мимо поверженного в прах и совершенно раздавленного Тосиным величием Сергея Агафопова.

Остаток пути не был отмечен более никакими событиями. Понуры и совершенно потерявший форму Сергей Агафонов брел, не говоря ни слова, за Тосей Одуванчиковой, а она, Одуванчикова, шествовала впереди, и портфель ее мерно двигался взад-вперед, взад-вперед, взад-вперед, а брови ее были высоко подняты и гордый взгляд ее блуждал где-то в далеком незыблемом пространстве.

Так они дошли до большого серого дома. Еще шаг — и Тося скрылась в подъезде.

— Эй, ты, рыжая... — безнадежно сказал Агафонов в темную глубину подъезда, и тут обидное слово «дурак» в третий раз шлепнулось прямо в бесстрашное, но ранимое сердце Сергея Агафопова.

Сергей Агафонов вздохнул, повернулся к подъезду спиной и, подкинув в воздух свой долготерпеливый растрепанный до последней степени портфель, с такой ненавистью пнул его ногой, что бедное, ни в чем неповинное из-

деле кожгалантерейной фабрики имени Макарова, описав в воздухе громадную дугу, плавно опустилось на заснеженную крышу двухэтажного деревянного сарая, покорно

ожидающего своей очереди быть снесенным в третьем квартале текущего года.

— И-эх! — с чувством сказал Сергей Агафонов и полез на крышу сарая.

ТОСЯ В ГОСТЯХ У АНИ

Тося решительно протянула руку и нажала на звонок.

Перед Тосей стояла Аня.

— Здравствуй, — весьма робко выговорила Тося.

— Здравствуй, — тихо отвечала Аня.

— Ну, как, объяснять тебе? Или, может, ты не хочешь?.. Если ты не хочешь, ты скажи, я уйду... — забормотала Тося и нерешительно взглянула на Аню, ожидая, что она скажет, и даже взялась было за ручку двери на всякий случай...

— Как хочешь, — сказала Аня, опуская глаза и изо всех сил стараясь быть равнодушной. — Как хочешь. Если хочешь — уходи...

Собака лаяла и вертелась между ними в узкой прихожей, а они все стояли друг против друга, и Тося совершенно не знала, что делать. Аня, видно, только и хотела, чтобы она поскорее ушла. Она наверно ждала, когда наконец можно будет закрыть за нею дверь...

— Ну, я пошла, — сказала Тося, нажимая на ручку.

— Ну и уходи, — сказала Аня.

Что-то в ее голосе заставило Тосю насторожиться.

— Но, может, мне все же...

— Не надо, — хрипловато сказала Аня. — Уходи.

Голос у нее был ужасно странный.

Тося взглянула на Аню повнимательнее. Что такое?.. Анины губы дрожали. Из правого глаза выкатывалась слезинка.

Тося не поверила своим глазам. Аня? Плачет?! Что это с ней?

— Так я останусь, а? — сказала вдруг Тося. — Можно я останусь? Я тебе только уроки объясню и сразу уйду... Я быстро. Ты не бойся!

И вдруг вся нерешительность слетела мигом с Тоси, и она стала быстро-быстро раздеваться.

— Давай повешу, ты не достанешь, — ожившим голосом сказала Аня, беря в обе руки Тосину зимнее пальтишко. — А вот тапочки. Надевай, у нас знаешь как жарко?

— Давай, — сказала Тося, садясь на табуретку и стягивая теплые ботинки. — У нас тоже дома жара. И чего они так топят, а?

— Не знаю, — удивленно и даже радостно сказала Аня. — Прямо сама не понимаю, чего они так топят! Дышать нечем!

И они с Тосей посмотрели друг на друга и почему-то обе засмеялись, хотя как будто бы ничего смешного не было в том, что дома так топили, что от этого дышать было нечем.

— Пойдем, ты не стесняйся, — сказала Аня,

беря Тосин портфель и неся его в комнату. — Мы дома одни с Чапкой.

— А я и не стесняюсь, — весело сказала Тося. — Ты знаешь, я вообще не стеснительная.

И через минуту они уже сидели рядом за столом, и Тося старательно объясняла Ане домашнее задание.

Аня сидела и слушала.

«Я даже не спросила, чем она заболела, — думала про себя Тося, поглядывая на Аню. — Выглядит она ужасно, вон какие круги под глазами. Да, очень плохо она выглядит...»

«Сейчас кончит и уйдет, — думала Аня. — Кончит объяснять и уйдет... Тося, не уходи, пожалуйста. Я хочу рассказать тебе, Тося... Я все тебе расскажу. Только не уходи.»

«И чего я на нее обижаюсь? — думала Тося. — Вот дура! Нашла на кого обижаться! Да она же очень хорошая... Да она замечательная! Вон какая бледная. И худая. И такие круги под глазами у нее... Выглядит она ужасно. Да нет, прекрасно она выглядит! Просто чудесно она выглядит!»

«...Не уходи, Тося, — думала Аня. — Пожалуйста, не уходи...»

— Ну, вот и все, — сказала Тося, поднимаясь. — Теперь я пойду, да?

Аня сидела и смотрела в окно.

— Тося, не уходи, пожалуйста, — вдруг тихо сказала Аня. — Если тебе не трудно...

— Ой, да мне совсем не трудно! — обрадовалась Тося. — Да я с удовольствием! Мне у тебя знаешь как нравится! — И она наклонилась и от всей души погладила по белой лохматой спине вертящуюся во все стороны Чапку.

— А давай чаю поьем! — сказала Аня. — У нас печенье есть миндальное и сушки с маком. Давай?

— Давай, — сказала Тося. И они пошли на кухню ставить чайник.

— Ну вот, — сказала Аня. — Вот... А нравится тебе наш кактус?

— Замечательный у вас кактус! — сказала Тося, притрагиваясь к кактусу, и тут же быстро отдернула руку.

Тут они обе неловко помолчали.

— А посмотри, какой у нас балкон, — вскакивая, сказала Аня.

— Потрясающий у вас балкон! — сказала Тося. — И вообще у вас такая квартира уютная! Прелесть!

— А правда, у нас из окна красиво? — сказала Аня. — Вон там, видишь, парк у нас. А вон там, слева... нет, не туда смотришь... еще левее, — там драматический театр. Ты любишь в театр ходить?

— Люблю, — сказала Тося. — Ань, у нас в школе классный журнал пропал, представляешь? Сегодня учителя отметки на бумажку ставили.

— Да? — побледневшими губами сказала Аня.

— Ну да! — живо подхватила Тося. — Представляешь, вот бессовестный! Взял и не возвращает! Нина Петровна сказала, чтобы журнал через два дня был на месте, а этот и не думает его на место класть. И не положит. Даю тебе слово, что не положит.

— А про кого ты говоришь? — с большим трудом выговорила Аня. — Кто... не положит?

— Как кто? Да Агафонов, конечно! Кто же еще? Ведь это же он журнал стащил!

Тося вдруг прервала себя и испуганно покосилась на Аню. Аня попыталась налить в чашку чаю, но кипяток, брызгаясь, проливался.

— Дай, я налью, — сказала Тося. — Все-таки странная история, правда? Зачем Агафонову понадобился классный журнал?

И тут Аня Залетаева повернулась к Тосе Одуванчиковой. Ее лицо было белым как мел.

— Это вовсе не Агафонов. Это я взяла журнал, — сказала Аня.

И она повернулась и, путаясь в полах халата, пошла вон из кухни.

А бедная ошарашенная Тося так и осталась сидеть с раскрытым ртом и с застывшей рукой, в которой было зажато маленькое круглое миндальное печенье.

ТОСЯ, ПРОСТИ МЕНЯ!

Тося осторожно положила нетронутое печенье обратно в вазочку. Что такое? Может, она ослышалась?

Аня сказала что-то странное, что-то очень чудное... Пошутила?.. Но она была такая серьезная. И такая бледная...

Тося встала с табуретки. Чапка вертелась у ее ног.

— Чапка, это правда? — спросила Тося.

Но Чапка ничего не сказала. Тогда Тося взяла Чапку на руки и пошла за Аней.

Ани в комнате не было. Обеспокоенная Тося заглянула под тахту, под стол, потом она открыла двери в туалет и в ванную. Ани нигде не было.

Страшная мысль пришла Тосе в голову, и от

этой мысли у нее даже задрожали руки — вдруг Она выпрыгнула из окна?

Она побежала обратно в комнату... Окно было заклеено, и даже форточка была закрыта.

Чапка царапалась в какую-то дверь в коридоре. Это, видно, была дверь кладовки.

Тося прислушалась. Из-за двери раздавался приглушенный плач.

Тося тихонечко постучала:

— Аня, открой, пожалуйста.

Но Аня не открыла, только плакать стала еще сильнее.

— Анечка, открой, — сказала Тося. — Ну, открой, прошу тебя. Ну, что ты там сидишь? Там же темно! — Тося уже потихонечку хлопала носом, она не выносила, когда кто-нибудь плакал.

Ей отвечали только прерывистые Анины рыдания.

— А-а-ня! — проревела уже в полный голос совершенно расстроенная Тося. — Откро-о-ой сей-ча-ас!

Дверь кладовки стала медленно открываться. В двери показалось освещенное тусклой лампочкой зареванное и опухшее от слез Анино лицо.

— Я думала, ты ушла, — прерывающимся шепотом сказала Аня.

— Да что ты! — тоже шепотом сказала Тося. — Куда я уйду? Как же я тебя оставлю?

— Ты знаешь, мне даже легче стало, — сказала Аня. — Я даже не знаю почему. Ты не представляешь, как мне тяжело было!

— Еще как представляю! — горячим шепотом откликнулась Тося. — Я, знаешь, тоже один раз во втором классе у одной девочки плюшевого медвежонка стащила. Так мне прямо так тяжело было! Я прямо видеть его не могла, этого медвежонка! Я его теперь всю жизнь вспоминаю!.. А тут — классный журнал. Еще бы тяжело!

— Вот видишь, какая я, — сказала Аня. — Ты наверно от меня такого не ожидала.

— Вообще-то, да, — честно призналась Тося. — Но только ты не плачь! — испугалась она, видя, что Анины глаза снова наливаются слезами. — Подумаешь, классный журнал! Чепуха на постном масле!.. Нашла из-за чего плакать! Ты мне лучше расскажи все по порядку. Ладно? Я все пойму. Ты не бойся.

Сидя на полу в темной прихожей и чувствуя рядом теплый Тосин бок, Аня все ей рассказывала. Да, все она рассказывала Тосе — и про Бороно письмо, и про тройку с минусом, и про журнал.

И Тося только охала, слушая этот потрясающий рассказ.

«Господи, ну и дура же я! — думала Тося. — И чего я думала, что она вредная?! Да она такая хорошая, прямо ужас! И ничего удивительного, что Боря Дубов в нее влюбился. Она же просто замечательная!»

И Тося с преданной любовью смотрела на распухший и красный, как помидор, Анин нос, и на ее глаза, которые от слез стали совсем как щелочки, и на все ее такое жалкое и такое беспомощное сейчас лицо.

— Ерунда! — говорила Тося. — Ерунда! И чего ты так плакала? Да подумаешь, журнал, дело какое! Что его, обратно, что ли, нельзя положить? Вот уж чепуха на постном масле!

— Понимаешь, я не могу, — говорила ей Аня. — Я боюсь. Я теперь даже к школе близко подойти боюсь. Я даже из дома выйти боюсь. Мне кажется, все на меня смотрят. И потом, мне стыдно. Мне так стыдно, я даже тебе сказать не могу как!

— Знаешь что, — говорила Тося в великодушном порыве, — если ты боишься, я сама это сделаю, вот что. Да, да, я сама его обратно положу!

И Аня смотрела на Тосю, как смотрела бы наверно на ангела, если бы ангел вдруг откуда ни возьмись появился бы на свете и влетел бы, похлопывая белыми крылышками, в квартиру номер тридцать восемь и уселся бы рядом с Аней на полу в прихожей.

— Неужели ты это сделаешь? — говорила Аня.

— Сделаю, — говорила Тося. — Ты не беспокойся. Да это мне ничего не стоит. Вот пусти-то — журнал на стол положить!

— А если кто-нибудь увидит?! — волновалась Аня.

— Да я так сделаю, что ни одна живая душа не увидит. Ты только не волнуйся!

— Тося, — говорила Аня... — Тося... — И она даже бросалась время от времени обнимать Тосю, так что той даже приходила в голову мысль: а не сошла ли Аня с ума от горя и переживаний? Так это было непохоже на Аню, что она вдруг лезла обниматься...

— Тося, — говорила Аня, — Тося, ты прости меня, что я была такая вредная.

— Да что ты, — с жаром защищала ее Тося. — Это ты меня прости! Это я вредная была! Прямо ужас, а не человек!

А потом они вдвоем вытащили из-под ванны завернутый в полиэтиленовый пакет классный журнал и всунули его в Тосин портфель.

СЦЕНА С ПОРТФЕЛЕМ

Когда Тося Одуванчикова спускалась по лестнице, на сердце у нее было одновременно и весело и тревожно.

В глазах у Тоси все еще стояло заплаканное Анино лицо.

«Бедная Аня! — думала Тося. — Бедная! Бедная!» — и сердце ее сжималось от жалости.

...Посреди двора стоял Алик. Вид у него был совсем замерзший.

«Бедный Алик, — подумала Тося. — Бедный, бедный Алик!»

— Ну ты даешь, — услышала Тося. — Я тебя целых два часа жду! Я весь околел, пока ты там с «классной доской» рассиживалась. О чем это вы там могли беседовать?

«Так я тебе и сказала!» — подумала Тося. Но вслух произнесла: — Не сердись, Алик. Я уроки Ане объясняла. А потом мы с ней пили чай. И вообще она не «классная доска»! Зря ты ее так называешь.

— Что?! — удивился Алик. — А ты сама-то как ее называла?

— Мало ли что, — сказала Тося. — Может, я дура была. И вообще, она очень даже хорошая.

Эта незначительная фраза заставила Алика настрожиться. И ему даже захотелось обидеться, что он моментально и сделал.

— Очень интересно, — сказал Алик, надувшись, как индюк. — Я тут стою на морозе, а они чай распивают за моей спиной.

— Алик, ну, прости, — примирительно сказала Тося. — Пойдем, а?

— Может, теперь ты и дружить с ней начнешь?.. Давай-давай, дружи... — Похоже было, что он разозлился.

— И начну, — сказала вдруг Тося. — И тебе не спрощусь. Подумаешь, какой начальник нашелся!

Это решительное заявление несколько охладило пыл Алика Спичкина.

— Ладно, давай портфель, — сказал он примирительно. — Думаешь, легко на морозе два часа ждать?

И он протянул руку к Тосиному портфелю...

Алик всегда теперь носил Тосин портфель, но только когда знал, что никто из одноклассников этого не видел. Если ему казалось, что кто-нибудь видит, он сразу совал портфель обратно в Тосины руки. Да, такая странная особенность была у Алика Спичкина. И Тося охотно прощала ему эту странность. И она охотно разрешала ему носить свой портфель. И сейчас она хотела отдать его Алику, но спохватилась...

— Спасибо, — сказала Тося. — Не беспокойся. Лучше я его сама понесу.

Белые брови Алика Спичкина сошлись у переносицы.

— Как так «сама»? Почему это «сама»? Всегда не «сама», а сейчас вдруг «сама»? — Может, это Залетаева подговаривала Тоську против него, Алика Спичкина, чтобы она с ним не дружила? Все ясно. Так и было.

— А ну, давай сюда портфель! — сказал Алик. И он схватил Тосин портфель и изо всех сил потащил его к себе.

— Отдай, — закричала Тося.

Но Алик вцепился в портфель мертвой хват-

кой, как будто вместе с Тосиным портфелем хотел вернуть себе Тосину дружбу.

Кажется, пришла пора вмешаться третьему действующему лицу.

И третье действующее лицо, которое все это время сидело на крыше сарая, не замедлило вмешаться.

С громким криком «и-эх!» оно соскочило с двухметровой высоты и кинулось в атаку. Оно подскочило к обидчику и занесло над ним увесистый кулак.

— Отдай портфель! — угрожающе прорычало третье действующее лицо. — Ах ты, мошь бесхвостая!

И третье действующее лицо со страшной силой дернуло портфель в третью сторону.

И тогда бедный Тосин портфель, не выдержавший такого бурного натиска, раскрылся, и все, что там было — и тетрадки, и учебники, и пенал и... — ой, Тося даже глаза закрыла — классный журнал — все, все вывалилось прямо в снег.

Тося, как пантера, метнулась к журналу, укрывая его своей грудью от посторонних взоров, а третье действующее лицо не долго думая стало дубасить Алика Спичкина своими хулиганскими кулачищами.

— Я тебе покажу, как чужие портфели хва-таты! — приговаривало оно.

Бедный Спичкин совсем растерялся. Он част-то заморгал белыми ресницами и даже закричал тоненько: «Мама!» А Тося не могла прийти к нему на помощь, потому что вынимала из снега журнал, и прятала его между учебниками и тетрадками, и засовывала потом обратно в портфель.

Но зато уж потом...

— Алик, держись! — закричала она. И она разбежалась и так поддала Агафонову голову в живот, что тот даже отлетел.

— Вот тебе, — сказала Тося. — Дурак, хулиган. Пойдем, Алик.

И она схватила бедного Алика за руку и потащила его скорее подальше.

— Так я же... — хотел ей вдогонку сказать Агафонов, но почесал только ушибленный живот и так ничего и не сказал.

Не умел говорить Сергей Агафонов. Плохо он умел выражать свои мысли. А если бы умел он их выражать хорошо, то вот что он сказал бы вдогонку Тосе Одуванчиковой:

— Так я же хотел, как лучше! Эх ты, дура ты, дура! Ничего-то ты не поняла!

А Одуванчикова и Спичкин быстро удалялись. И эта мошь бесхвостая, этот портфельносец время от времени поворачивался и грозил издали кулаком ему, лучшему драчуну всего пятого класса «а» Сергею Агафонову.

ВОТ ЭТО НОМЕР!

Некоторое время Тося и Алик шли молча. Алик оборачивался и устрашающе грозил вслед Агафонову кулаком, что должно было несомненно означать: «Ты еще у меня поплачешь!» А Тося шла и думала о своем.

Очень волновала ее одна вещь. Она не знала, она никак не могла понять, заметил ли кто-нибудь выпавший из портфеля классный журнал? Эта мысль не давала ей покоя.

«Заметили или не заметили?»

Тося искоса взглянула на Алика. Воинственный пил Алика все увеличивался, по мере того как увеличивалось расстояние между ним и Агафоновым. Лицо у Алика становилось все злее, а складка между белых бровей все более решительной.

— Зря ты вообще в это дело вмешалась, — вдруг сказал Алик. — И кто тебя просил?

— Что-что? — Тося поняла не сразу, мысли ее витали вокруг классного журнала.

— А то! — сказал Алик. — Не надо было мне мешать, вот что! Если бы не ты, я бы так излупил его! От него мокрое место бы осталось!..

— А-а, — сказала Тося рассеянно.

«Видели или не видели? Видели или не видели?»

— Ну, ничего, — сказал Алик. — Вот когда я его разоблачу, он еще у меня поплашет!

«...Видели или не видели? — думала Тося. — Заметили или нет?»

— Алик, — вдруг решила спросить она. — Скажи честно, ты все знаешь?

«Про что это она?» — подумал Алик. Но вслух сказал на всякий случай и сделал очень важное и таинственное лицо:

— Может, кое-что и знаю.

— А что ты знаешь? — безразлично спросила Тося.

— А все знаю, — сказал Алик. — Я все знаю, ты не думай.

— Так значит, ты видел? — большие голубые Тосины глаза с тревогой поглядели прямо в глаза Алика.

— Еще бы, — сказал Алик. — Я все вижу, не беспокойся.

Тося поблднела.

— Алик, — сказала она с усилием, — а ты никому не скажешь?

Тут Алик слегка растерялся.

— Не скажу, — сказал он нерешительно.

«Что же это она имеет в виду?» — подумал Алик. — Про что это она?» Но, как настоящий сыщик, виду не подал.

Лицо Тоси было необычайно серьезно.

— Клянись! — сказала Тося.

— Клянусь! — сказал Алик.

Тося вздохнула с облегчением.

— Я так и знала, — сказала она. — Я знала, что ты меня не выдашь... Вот, носи его, — сказала она и дала ему свой портфель.

Алик взял портфель. Он был совершенно

сбит с толку. Он нес портфель и ничего не понимал.

— Алик, — сказала вдруг Тося. — А ты не сможешь мне его обратно положить? Ты знаешь, я боюсь ужасно. У меня прямо руки и ноги трясутся.

«Про что это она? — опять подумал Алик. — Что обратно положить? Почему у нее руки и ноги трясутся? Ничего не понимаю!»

Он посмотрел сбоку на Тосю, и вдруг одна странная мысль пришла ему в голову:

«А что, если...? Что, если это она про журнал, про пропавший классный журнал говорит?»

От этой мысли у Алика даже пересохло в горле. И он остановился как вкопанный.

Ну, конечно, конечно она говорит про классный журнал, про что же еще? И как же это он сразу не догадался?

— Тоська! — закричал он. — Так, значит, журнал у тебя?

— Какой журнал? — Тося остановилась.

— Да журнал, классный! Ты ведь сейчас сама призналась, что он у тебя!

— Я?.. Призналась? — вдруг тихо сказала Тося. И она быстро вырвала у Алика свой портфель. — Ничего я не признавалась. И чего ты выдумываешь? Какой-то журнал... Ничего у меня нет.

И тогда Алик Спичкин, как настоящий сыщик, пошел на хитрость.

— Да я же поклялся! — сказал он. — Ты не бойся, я никому не скажу — у тебя он или не у тебя?

Тося остановилась и поглядела долгим-долгим испытующим взглядом на Алика.

— Нет у меня никакого журнала! — негромко и решительно сказала Тося. — И вообще я тороплюсь. Пока.

И она повернулась и пошла. А Алик Спичкин так и остался на месте стоять.

«Вот это номер! — думал Алик Спичкин. — У нее журнал! У нее! Провалиться мне на этом месте! И как же я сразу не догадался?!»

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Приближался Новый год. Приближалась елка в институтском клубе. Но Боря Дубов думал теперь о предстоящей елке без всякой радости.

«Она не придет, — думал Боря Дубов. — А если и придет, то ни за что не станет со мной разговаривать. После этой встречи в столо-

вой... Да она же совершенно теперь убеждена, что я полный дурак».

И тогда Боря Дубов взял да и поехал на Молодежную улицу.

Маленький скверик перед домом номер два был пуст. Но на лавочке сидела какая-то девчонка. И что-то чертила по снегу веткой.

Прямо перед Борей был подъезд тридцать восьмой квартиры. Боря приготовился ждать. «Через полчаса она будет возвращаться из школы, — думал Боря. — Это если у них пять уроков. А если четыре, то тогда она дома. И может быть, она пойдет в магазин... Или еще куда-нибудь. Она выйдет на улицу, и тогда я к ней подойду».

Девочка, сидевшая на лавочке, медленно подняла голову и вдруг вскочила.

«Ой, кто это? — подумал Боря. — Да ведь это же!»

Перед Борей Дубовым стояла Аня.

— Привет, — растерянно сказал Боря.

— Здравствуй, — еле слышно сказала Аня.

Они шли по зимней московской улице. Они шли и разговаривали. Судя по выражению их лиц, разговор у них был серьезный.

— Вот видишь? — печально и тихо говорила Аня. — Разве можно по фотографии о человеке судить? Ты думал, что я в шахматы играю, что я книжек много прочитала, что у меня друзей много, а это ведь все не так, совсем все не так. И в шахматы я не умею играть, и друзей у ме-

ня нет никого. И в классе меня зовут «классной доской». И я совершила такой ужасный поступок... Разве ты мог бы по фотографии подумать, что я могу такое совершить — украсть классный журнал?! Разве тебе только могло в голову такое прийти, когда ты на фотографию мою смотрел? Ведь правда же не могло?..

— Не могло, — сказал Боря.

— А знаешь почему? — сказала Аня. — Потому что на фотографиях все хорошее. А вот в жизни... Ведь ты же знаешь — я украла классный журнал! Я ужасная, ужасная!!!

Тут Боря остановился и посмотрел на Аню.

— Неправда, — сказал Боря. — Ты не ужасная. Это неправда! Я думаю... я думаю, что ты просто ошиблась. Ведь ты же человек. Все люди могут ошибаться...

— Нет, — печально сказала Аня. — И я больше не могу так жить. Сейчас я пойду и во всем сознаюсь.

— Но ведь теперь уже все в порядке! — сказал Боря. — Журнал на месте. Зря ты так переживаешь!

И тут Аня остановилась.

— Мне надо в другую сторону, Боря. До свиданья. Я иду в школу.

АЛИК СПИЧКИН ПОДНИМАЕТ РУКУ

А в школе между тем происходили вот какие события.

Тося Одуванчикова, придя в класс ни свет ни заря, выдвинула ящик учительского стола и, воровато озираясь, сунула в него классный журнал. Потом пулей выскочила из класса и бросилась в пионерскую комнату, которая находилась на втором этаже.

К счастью, пионерская комната оказалась открытой. Тося вбежала в нее и дрожащей рукой закрыла дверь на крючок. Потом, отдуваясь как паровоз, она села на стол, где были разложены изделия кружка «Умелые руки». Еще немножко — и пластилиновый пионер, вылепленный учеником третьего класса Перепетуевым Валентином Ивановичем, как гласила табличка, висевшая у пионера на шее, оказался бы просто куском пластилина. Тося испуганно поправила покосившегося пионера и стала ждать.

Так ждала она и смотрела то на вышитые салфетки, то на часы, а потом на дощечки, оформленные художественным выжиганием (по дощечкам ходили рогатые олени), а потом снова на часы, и наконец, только на часы, только на большую стрелку часов, которая медленно и постепенно подползала к началу урока... И когда часы показали двадцать минут девятого, Тося зашевелилась и стала слезать со стола с экспонатами, причем оказалось, что она сидела прямо на белой салфеточке, обвязанной кружевами и вышитой розами.

Тося расправила руками это помятое художественное изделие и робко выползла из пионерской комнаты.

Когда она вошла в класс, Гвоздева и Собакина бросились к ней и чуть не сбили ее с ног. Они схватили ее за обе руки и потащили упирающуюся Тосю к учительскому столу.

— Журнал... Нашелся... — прерывистыми от волнения голосами сообщали они ей по дороге. — Вон лежит!.. Гляди.

— Ну и что? — говорила Тося, стараясь казаться равнодушной. — Подумаешь! Что я, журнала не видала?

— Как?! — Гвоздева и Собакина разом выпустили Тосю и поглядели на нее как на сумасшедшую.

— Да что что?! Во дает! — сказали они, поглядев друг на друга. И они оставили Тосю в покое и бросились в правый угол класса, где горячо обсуждалось возвращение журнала и где толстый Петька Федоров, первым вошедший сегодня в класс, с покрасневшим лицом, со слезами на глазах клялся и давал честное слово, что это не он положил журнал в учительский стол, а Нина Сорокина в сотый раз рассказывала, как она полезла в стол за мелом, смотрит, а он... лежит!

Агафонова, между прочим, еще в классе не было, и те, кто имел подозрения на Агафонова, недоуменно пожимали плечами.

— Ну, что, разоблачил? — спрашивал почти каждый у Алика Спичкина, на что Алик с таинственным видом отмалчивался.

Все ждали начала урока. Первый урок был «русский язык».

И вот...

Зазвонил звонок, и в класс вошла Нина Петровна.

Подойдя к столу, она взяла в руки журнал, внимательно перелистала его и только потом, взглянув на ребят, произнесла:

— Здравствуйте, ребята. Садитесь.

Все ожидали, что еще что-нибудь скажет, но Нина Петровна как ни в чем не бывало начала урок.

Это несколько разочаровало учеников пятого «а». Но когда за несколько минут до окончания урока Нина Петровна вдруг произнесла: «Ребята, сегодня после уроков состоится классное собрание. Попрошу вас не расходиться», — пятый «а» снова заметно оживился.

Нина Петровна ушла в учительскую.

Под мышкой она несла классный журнал.

По дороге ей попался Агафонов. Вид у него был, как всегда, непроницаемый.

«Спасибо тебе, — благодарно подумала Нина Петровна, — все-таки у тебя есть совесть».

...Когда Нина Петровна снова вошла в класс, все уже чинно сидели по своим местам. Никто не вертелся, не шушукался, и даже Гвоздева с Собакиной не шептались, как всегда, а смотрели возбужденными глазами на Нину Петровну, словно хотели сказать: «Ну, скорее, скорее... Давайте же скорее начнем собрание! Давайте же скорее все узнаем!»

Нина Петровна оглядела притихший класс. На всех лицах было написано волнение, любопытство и напряженное ожидание.

Место Ани Залетаевой пустовало.

«Жалко, что старосты нет, — подумала Нина Петровна. — Не вовремя она заболела».

Тося Одуванчикова выглядела неважно. Обычно такая веселая и румяная, сегодня она была бледной и подавленной.

— Ну, что ж, начнем, — сказала Нина Петровна. — Итак, ребята, пропавший журнал найден. Вот он лежит на столе. Я очень рада, что он найден. И все же, ребята, я бы хотела знать, кто из вас положил его на стол.

В классе стояла тишина. Слышны были сквозь закрытые окна отдаленные звонки трамваев и бой вокзальных часов.

— Я жду, ребята, — сказала Нина Петровна. Она глядела на класс. Ученики пятого «а»,

оборачивая головы, глядели друг на друга. Все ждали — вот поднимется чья-то рука. Вот вот кто-то сознается... Некоторые, не таясь, глядели на Агафонову.

Сама Нина Петровна из всех сил старалась не глядеть на Агафонову. Она глядела на Петю Федорова, у которого от возбуждения пылали уши, на Гвоздеву с Собакиной, которые вертели как на иголках, на такого важного и торжественного сегодня Алика Спичкина, на Тосю Одуванчикову, которая и в самом деле выглядела сегодня совсем плохо, ходила, наверно, навещать Аню, уж не заразилась ли от нее?.. На Агафонову она старалась не глядеть, но волей-неволей взгляд ее раза два коснулся его скуластого непроницаемого лица.

Агафонов глядел в окно.

«Ну, подними, пожалуйста, руку, — мысленно молила его Нина Петровна. — Ну, сознайся. Ну, что тебе стоит? Ведь тебе же будет лучше, если ты сознаешься...»

Но Агафонов и не думал сознаваться. Он все глядел с безразличным видом в окно.

Молчание становилось уже просто невыносимым.

— Так. Никто не сознается, — сказала Нина Петровна. — Это очень жалко. Честно говоря, я была уверена...

И тут весь класс обернулся, как один человек — руку поднял Алик Спичкин.

«Алик, погоди, — захотелось крикнуть Нине Петровне. — Погоди! Пусть он сам сознается!»

— Я знаю, кто это сделал, — отчеканивая каждый слог, сказал Алик. — Этот человек сидит здесь, в классе.

Все большими глазами глядели на Алика. Но Алик молчал.

— Ну, кто, кто? Говори скорее! — не выдержала Гвоздева.

Многие повернулись и, уже не стесняясь, в упор смотрели на Агафонову. Агафонов оставался невозмутим.

— Вы хотите знать, кто этот человек? — сказал Алик. — Это Одуванчикова.

Все взгляды, все, как один, устремились на Тосю, и под этими взглядами Тося Одуванчикова вся как-то сникла и съежилась за партой, и даже яркие ее волосы как будто бы вдруг сразу поблекли.

КТО ВЗЯЛ ЖУРНАЛ

В классе стояла гробовая тишина.

На Алика никто не смотрел. Все смотрели на рыжий затылок Тоси Одуванчиковой, который опускался все ниже и ниже.

Агафонов тоже уже не смотрел в окно. Лицо его, только что бывшее абсолютно непроницаемым, приняло вдруг растерянное и даже жалкое выражение. И он с пораженным видом, как и все, глядел в Тосину спину.

А Тосина спина все сгибалась и сгибалась, и наконец совершенно согнулась за партой в три погонища.

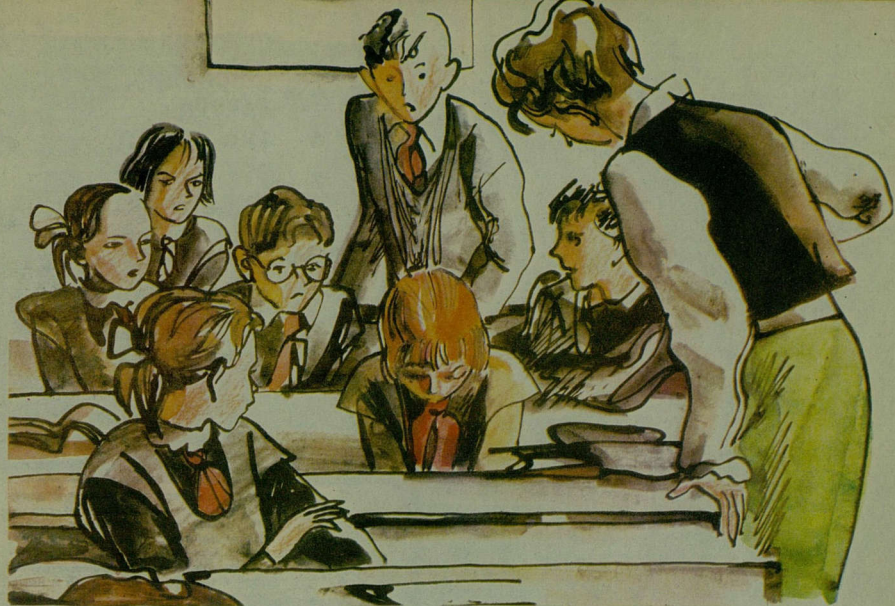
Нина Петровна постепенно приходила в себя.

— Тося, это правда? — наконец выговорила она.

Тося молчала. Крупные слезы уже падали из ее глаз.

— Мы с Одуванчиковой дружили, — сказал Алик. — Но я думал, что она честный человек. А она...

— Да заткнись ты! — неожиданно грубо оборвала его Гвоздева. — Без тебя разбираюсь!

— Тося, — тихо сказала Нина Петровна, — это ты положила журнал?

— Да, — еле слышно произнесла Тося. Слезы катились по ее лицу...

— Одуванчикова, — сказала убитым голосом Нина Петровна, — отвечай, зачем ты брала журнал?

— Да не брала она! — послышался вдруг небрежный голос Агафонова. — Это я взял...

По классу прошел гул, как проходит гул по морю перед надвигающимся штормом.

— Не верьте ему! — закричал Алик. — Это она! Она! Я точно знаю!

— Да я брал! — перебил его Агафонов. — Взял и все. А потом, думаю, ладно, так уж и быть, обратно положу. И положил.

— Господи, да что же это такое? — жалобно сказала Нина Петровна. — Вы меня совсем с ума сведете. Кто же, в конце концов, взял журнал?

И в это самое время дверь пятого «а» скрипнула и приоткрылась, и в класс вошла Аня Залетаева.

— Нина Петровна, это я взяла журнал... — тихо сказала она.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы не будем рассказывать вам о том, что было дальше на классном собрании.

Скажем, что продолжалось оно еще долго и кончилось только в четвертом часу.

Дверь пятого «а» открылась. Раскрасневшиеся пятиклассники высыпали в коридор и парами и кучками, возбужденно переговариваясь, направлись по лестнице в раздевалку.

Среди них шли и Аня с Тосей. Они шли рядышком, бок о бок. Их окружали Гвоздева и Собаккина, и Вера Пантелеева, и Витька Синицын и еще некоторые.

А чуть поодаль шел с независимым видом Сергей Агафонов. И Тося иногда незаметно

оборачивалась и благодарно поглядывала на него, отчего Сергей Агафонов краснел все с тем же независимым видом.

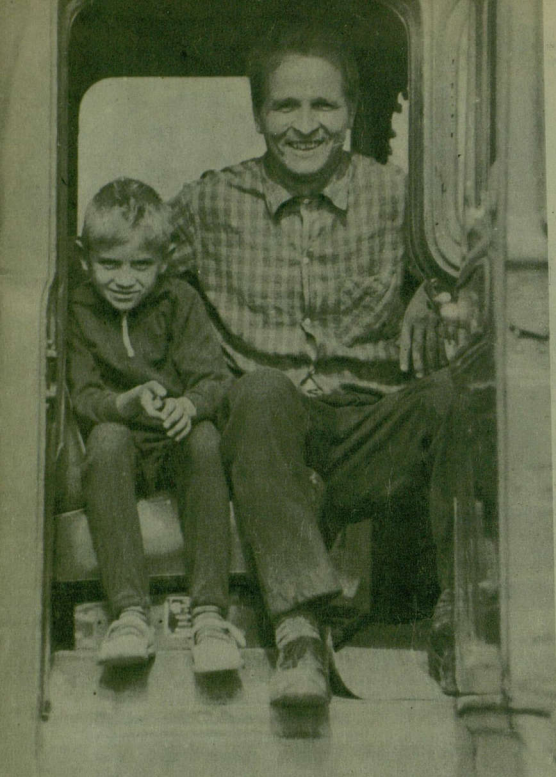
А еще поодаль, совсем позади всех, брел незадавшийся следователь Алик Спичкин.

На этом мы, пожалуй, и кончили бы нашу повесть. Но...

Мы совсем забыли рассказать вам об одной очень важной для нашей повести детали.

На школьном крыльце стоял и ждал Аню Залетаеву ученик шестого класса 628-й средней школы Борис Дубов. Он стоял без шапки, и белые снежинки медленно падали ему на голову.

СЕГОДНЯ — ШКОЛЬНИК, ЗАВТРА — ТРАКТОРИСТ, СТРОИТЕЛЬ, ХУДОЖНИК...

Вы уже пережили это удивительное ощущение, когда кажется, что можешь все, стоит только как следует захотеть, ну и чуть-чуть подучиться? Но идет время, вот уже тебе 14 лет, 15, 16, и что такое? Чем становишься взрослее, тем яснее понимаешь, что не можешь ничего.

Однако не нужно отчаиваться. Такое бывает со всеми. Поэтому давайте оставим унылые мысли, уж лучше будем думать как в детстве — я могу все. И поставим перед собою конкретную цель.

Но и это ведь только начало дела. К цели можно двигаться со скоростью реактивного самолета, можно ползти ползком... Как увеличить скорость? Есть только один способ — ставить перед собой промежуточные цели и решать их методично и неуклонно.

Вы смотрите, кончается пятилетка. Пять лет, большой ли срок? А сколько сделано! Начат БАМ, в разгаре строительство КамАЗа, запущен в серийное производство мощный трактор К-701, сколько открытий в науке!

Вы скажете, что эти большие дела вершили совместно тысячи и тысячи людей. Верно! Но вершили они их только потому, что каждый из этих тысяч сам, лично достигал своей цели. Один становился шофером-асом, второй — знаменитым геологом, открывшим месторождения полезных ископаемых на трассе БАМа, третий после мучительных поисков находит наконец решение научной проблемы.

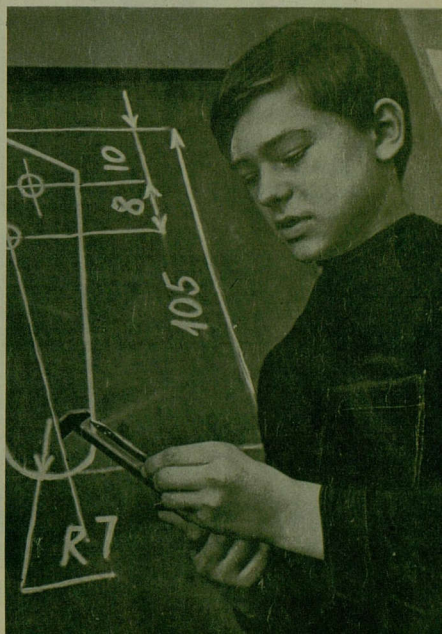
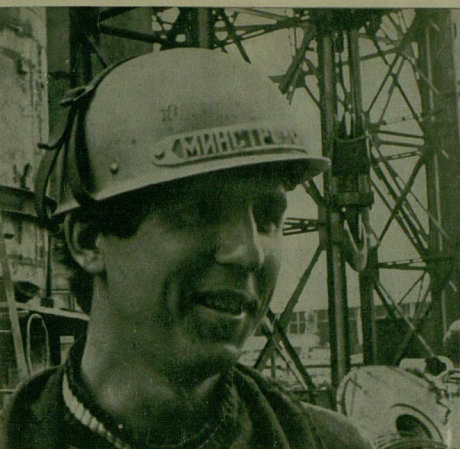
Почему им это удалось? Потому что они методично и упорно шли к своей цели. В школе и в ПТУ они добивались решения самой каверзной задачи. Взявшись изучать мотор, они изучали его досконально. Они носили рейки за геодезистами и заочно изучали геодезию в институтах, сами становясь специалистами. И когда они возвращались после далекого тяжелого рейса, их встречали цветами и фотографировали с детьми в кабине их безотказной машины.

Кто они? Они те, чьими усилиями пятилетка и вся наша жизнь идет вперед. Они те, кто умеет достигать цели.

Вспомни в их лица! Это твой завтрашний день. Ибо осталось не так много времени, когда и ты встанешь к станку, кульману или штурвалу.

Фото Е. Иванова, И. Потемкина и Э. Хакимова

РАССКАЗ

Сергей НОВИКОВ

МАКАРКА,

Хмурым зимним утром в село Старая Бенардка неожиданно нагрянул Чапаев с отрядом конников. Бест о его появлении мгновенно облетела все село. Вечером к Василию Ивановичу ввели мальчугана с вихрами нечесаных волос. Паренек волчком глядел на Чапаева и вдруг неожиданно выпалил:

— В отряд к тебе хочу... Возьми, а? Глаза его, не мигая, твердо смотрели в упор на Чапаева.

Комдив переглянулся со своими конниками, губы его раздвинулись в лукавой улыбке.

— Как же тебя зовут, молодец?

— Макарка...

— А сколько же тебе лет?

— Пятнадцать...

— А ну как не пустит тебя батяка ко мне?

— Сирота я, — буркнул, насупившись, Макарка. — Батюку беляки убили, мамка от тифа померла...

Чапаев задумчиво покрутил усы. На лицо его точно тень набежала. Он еще раз цепко взглянул на паренка, и вдруг глаза его снова вспыхнули озорным огнем.

— Слушай мою команду! Подвал видишь? — указал концом плетки на дверь, за которой находился подвал. — Считаю секунды.

Паренек, круто рванувшись с места, стремглав кинулся к подвалу. Но не успела его вихрастая голова исчезнуть за дверью, как Чапаев выхватил наган и выстрелил вверх.

И в то же мгновение прозвучала его отрывистая команда:

— Ко мне!

ЮНЫЙ ЧАПАЕВЕЦ

Рисунки
А. Аземши

Расстрепанный мальчуган пудей вымахнул из подвала и в несколько прыжков очутился снова около Чапаева.

Василий Иванович с самым серьезным видом распахнул зипунишко паренка и приложил свою руку к груди, где билось Макаркино сердце.

— Добро... Молодец, Макарка!

Чапаев пронизательно глянул на него.

— Ну, а чем, Макарка, думаешь быть полезным Чапаю?

— Я на коне могу сидеть, как захочу, — с достоинством отвечивал Макарка.

— Гоже, — одобрил Чапаев. — Где же ты научился ездить верхом на коне?

— А в ночном...

— Подходяще...

Чапаев сказал своему ординарцу:

— Петька! Хлопцу дать коня со сбруей!

И прижился Макарка в дивизию, будто в родной дом вошел. Полюбил его кавалерист конной разведки Лопарь. Он снял мерку с ног Макарки и сшил ему хромовые сапожки.

Подарила ему и пулеметчица Маруся узорчатую вышитую бархатом подстилку на седло. А тут совсем задохнулся от счастья Макарка, когда ординарец нацдива Петька подвел оседланного конягу, черного, гладкого, с белой отметиной на лбу.

— А ну, сигай на коня!

Макарка в дружинистом прыжке легко взлетел на седло, подхватил на лету поводья.

Петька гикнул, поднял коня на дыбы. А Макарке хоть бы что. Он будто врос в седло. По-

том рванул поводья, ударил ногами по бокам коня, и тот помчал седею бешеным галопом.

Петька доложил Василию Ивановичу:

— А пацан наездник лихой. В седле держится ловко, привычно.

Чапаев пригладил усы, сказал:

— Не обманул, постреленок, правду сказал. И добавил:

— Пушай ко мне придет...

Макарка отвел коня к кормушке и пришел к Чапаеву.

— Возьми меня, батька Чапай, к Вихорю в конную разведку, — попросился он. — Я в темноте все вижу не хуже кошки. И на коне куда хощу иду...

— Ну и настырный же ты, Макарка, — усмехнулся Чапаев. — Ладно уж, пусть будет по-твоему...

Суматошная началась Макаркина жизнь в конной разведке. Ночью ли, днем, а то больше всего на рассвете Макарку будили ошившие, потревоженные голоса разведчиков. Хлопали двери, и в помещении набивалось людей полным-полно. В облаке сизого махорочного дыма слышались говор, смех, спор.

Зычный окрик батьки Вихоря обрывал беспорядочный гам:

— По коням!

И точно ветром сдувало конников из избы. За окнами слышался цокот копыт, и непривычная тишина наваливалась на Макарку... Он вскакивал с бьющимся сердцем с койки, бросался к окну. Тоскливо и обидно становилось!

Куда они умчались? Почему Вихорь не берет его с собой? Разве он не знает, что батьку Макарки убили беляки и как он, Макарка, хочет отомстить за своего отца?

Начальник конной разведки Вихорь — сухой-парый, плечистый дядька. Брови крутые, с изломом, глаза с искрой, светлые, пронизывающие. Серая барашковая шапка набекрень.

Сунулся как-то Макарка к нему.

— Пошто, батька Вихорь, не берешь меня в разведку?

Вихорь посмотрел на Макарку пронизывающим взглядом, точно пригвоздил его к месту. — Обожди, малец. Не лезь поперед батьки в пекло. Обвыкни малость...

И однажды начальник конной разведки Вихорь спешно вызвал к себе Макарку.

— По вашему приказанию Макар Точинов явился. Разрешите войти?

— Заходи, Макарка... Садись...

Вихорь сидел за кухонным столом рядом с Лопарем и, старательно приглаживая волосы, продолжал прерванный разговор.

— Стало быть, так... Надо разведать деревеньку Сормовку. Сдается мне, что белоказаки окопались там. Но, понимаешь, — поморщился он, — взрослого туда опасно посылать. Надо бы толкового, смекалистого хлопца подобрать.

— Пошли меня, батька Вихорь, — вмешался вдруг Макарка. — Я маленький, на меня никто не обратит внимание...

— То-то, что маленький ты, — задумчиво пробормotal Вихорь. — Это да... И переглянулся с Лопарем.

Тот хмуро скосил глаза на паренька. «Как бы не погиб малец», — пронеслось у него в голове.

— Я везучий, дядька Вихорь, — продолжал настаивать Макарка.

— Ну что же, — тяжело вздохнул Вихорь. — Значит, так...

Он свернул самокрутку, жадно затянулся дымом и, подумав, продолжал:

— Пойдешь, Макарка, в эту деревню Сормовку на рассвете. Пойдешь ложиной, через сельское кладбище и дальше рощицей... там речушка будет маленькая, вброд ее перейдешь и до задворок доберешься...

Вихорь повернулся к Лопарю.

— А твоя забота — костюм подобрать хлопцу подходящий — одежонку самую захудалую. И какие-нибудь опорки похуже на ноги.

Лопарь невесело кивнул. Он давно успел привыкаться к мальчугану и теперь очень не хотел подвергать его опасности.

Но Макарку не проведешь. Он видит, как не хочется Лопарю отправлять его в деревню, занятую белоказаками. Но он все равно пойдет, у него уже созрел свой план действий.

— Мне нужен кнут, только подлиннее...

— Какой кнут? — удивился Вихорь.

— Обыкновенный, какой у пастухов есть.

— Зачем?

— Надо. — уклончиво отвечал Макарка. — Дурить буду белоказак.

Вихорь опять переглянулся с Лопарем. Засмеялся.

— Ладно, достанем тебе.

Моросил нудный, почти невидимый дождь. Ночные сумерки растворялись перед наступающим блеклым утром.

Макарка, придерживая сползающий с плеча зипун, прошмыгнул мимо сельского кладбища. Дождь шелестел в листья, казался Макарке звуками чьих-то преследующих шагов.

Рощицу проскочил бегом, перешел вброд речку. Ноги в худых башмаках сразу стали мокрыми. Но Макарка не обращал на это внимания. Он пробрался незамеченным к задним дворам изб и притаился возле баньки.

Небо прояснилось от туч. В курятнике, просыпаясь, завозились куры. Макарка осторожно выглянул на улицу. С коромыслом на плечах прошла женщина к колодцу. Послышался где-то звук пастушеского рожка.

Макарка беспокойно задвигался. Что делать? Куда пойти? После недолгого размышления решил поступиться в первую избу.

Подождал к темному крыльцу, звякнул щеколдой. Дверь открыла пожилая женщина с усталым лицом. Она подозрительно оглядела

паренька с ног до головы, отрывисто спросила:

— Чего надо?

— Пустите, тетенька, воды испить, — жалобно протянул Макарка.

— Откуда такой взялся?

— С мамкой по измам ходим, выменять хлеба. Из города мы...

— Ну проходи, коли так... — Хозяйка уже смотрела на мальчугана почти с состраданием. — Это что же делается? Война идет... белоказаки кругом, а вас леший несет хлеб менять...

— Помирать, тетенька, с голоду тоже неохота, — буркнул Макарка, а сам насторожился. Неспроста, видать, хозяйка обронила слово о белоказаках! Ясно, здесь они.

Стараясь не наследить, он долго вытирал ноги о порог. В избе душно пахло хлебом.

Макарка притворился напуганным.

— А нас с мамкой не сапают здесь казаки? — спросил он оробевшим голосом.

— А кто их знает... — вздохнула женщина. — У нас в деревне только хоззвод белоказакв остался, а так все выехали...

Она засуетилась, налила из кринки молока, подала Макарке ломоть хлеба.

— Накошь, испей молочка... Голоден небось...

Макарка протянул руку за чашкой, но в это время кто-то затарабанил в ставню:

— Отчиняй!

Она выглянула в окно, побледнела. Молоко расплескалось в кринке.

— Казаки...

— Не пугайтесь, тетенька, — тихо проговорил Макарка, кинул быстрый взгляд на верх печки и, увидев на лежанке голову спящего малыша, прибавил. — Я на полати заберусь, ежели спящего, я тоже твой пацан буду...

Женщина только махнула рукой, а Макарка уже в два прыжка вскочил на полати. Там было тепло и пахло кислой овчиной.

В избу вошли казаки. Звеня шпорами, они присели на скамью, поснимав с голов папаху.

Сверху Макарке было хорошо видно всех шестерых.

— Не сумлевайся, хозяйка, худого не сделаем, только опохмели нас, — сказал казак, вставший у печи. — Все горит в глотке после вчерашнего...

— Последнее выпили вчера, — запричитала хозяйка каким-то тонким голосом. — Немного бражки только и осталось...

— Нам и бражка не повредит, — разглаживая усы, оживились казаки.

Хозяйка принесла банку, загрела стаканами.

— Это што, твой хлопец на печке дрыхнет? — спросил кто-то из казаков.

— А то чей же, — отмахнулась хозяйка.

Казаки дружно приложились к бражке, зацокали одобрительно языками.

— Кушайте на здоровье, — егизила хозяйка.

— Благодарствуем за угощение!

Снова затопали коваными сапогами непрошеные гости. Хлопнула, закрываясь за ними,

дверь, и Макарка услышал возмущенный возглас хозяйки:

— А что б вам ни дна ни покрышки!

Макарка прыгнул с полатей, смущенно пробормотал:

— Уж так получилось... извиняйте...

Хозяйка пристально взглянула на Макарку, покачала головой.

— Пойду я, — насутился Макарка. — Мамку искать. Только бы не наскочить на этот хоззвод... на склад ихний...

— Ты молочка-то испей, сердешный, склад ихний на том конце деревни, изба под железную крышу. — Хозяйка снова пристально и в упор взглянула на Макарку.

— Спасибочко, тетенька...

— Обожди... — Хозяйка наклонилась совсем близко к Макарке, спросила чуть слышным голосом: — А ты сам-то не с той ли стороны, от красных, пришел?

Макарка промолчал, незаметно усмехнулся.

На большом бревне у завалинки, возле складского помещения сидело несколько белоказакв, жмурясь на солнце и подставляя ему шеи и спины. Дымили цигарками и лениво перебрасывались словами.

Невдалеке послышался шелчок кнута. Вскоре к завалинке подошел Макарка.

— Дяденьки военные! — загудел он. —

Не заблукалась ли тут корова черно-белой масти. Может, кто видел, скажите...

— Спохватился! — рассмеялся чернобородый, среза саблей репейник. — Мы твою корову на шашлык извели. Гы-гы...

— Добрый шашлык получился, — подхватил другой казак.

— Зачем, дядьки, смешки строите? — негодовал Макарка, охватывая взглядом двор с наветром, где находились орудия и пулеметы под чехлами.

— Ах ты, поросячий хвост, еще голос давать будешь! — взвыли разъяренные голося. — А ну брысь отсель, пока цел, не то и тебя на шашлык пустим!

Макарка, не торопясь, отошел от завалинки. Шелкнул ловко кнутом и ускорил шаги. Все высмотрел он в деревне, ничего не упустил.

Теперь юный разведчик почти вприпрыжку бежал назад и думал, как будет докладывать Вихорию о том, что разведал в деревне и как ушел на виду у белых, не вызвав никакого подозрения к себе.

В тот же вечер отряд конной разведки в пятьдесят сабель под командованием Вихория внезапным налетом обрушился на белоказакв в деревне Сормовка, захватил трофейное имущество, пленных и без потерь вернулся в свое расположение.

Но к этому времени Макарка безмятежно спал и что-то бормотал во сне и причмокивал языком.

ЖЮЛЬ ВЕРН „Дети капитана Гранта“, Роберт Грант

Ш. ПЕРРО „Сказки“

«...Ваш журнал часто иллюстрирует художник П. Швец. Расскажите о нем. Мне очень нравятся его рисунки. В них так много красок, фантазии, что иногда веришь: где-то далеко-далеко живет волшебник «с бородой до самых пят...»

Наташа Ковалева,
Свердловск

Дорогая Наташа Ковалева!

Пользуясь возможностью, любезно представленной редакцией, я решился показать на выставке «Костра» некоторые из своих работ. Каждому художнику приятно иметь ценителей своего искусства. Это поддерживает в жизни. Искренне благодарю тебя за добрые пожелания в мой адрес.

Поскольку среди многих рисунков, печатающихся в журнале, ты обратила внимание на мои, я осмеливаюсь предположить, что мы в некоторой степени родственные души, и тебе не трудно представить, что я за человек. У нас много одинаковых привязанностей и вкусов. Я, как и ты, восхищаюсь тайной зверей и птиц,

любуюсь красивыми людьми, благородными деревьями и волшебными дворцами. Я люблю мечтать и о той стране, где все эти явления — случайные гости двадцатого века — у себя дома, на родине. Я имею в виду сказки и чудесные истории, которые хорошо кончаются. Желание попасть в эту страну тебе, конечно, хорошо знакомо. Это сильное желание заставляет стремиться в далекие края, придумывать, фантазировать, внимательно присматриваться к окружающему и, наконец, изображать все это, чем я и занимаюсь.

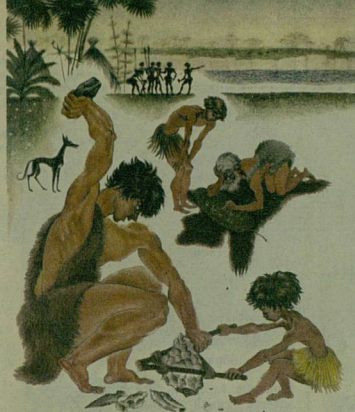
Я иллюстрировал сказки Перро, «Принцессу на горошине» Андерсена, сказки Перретты и другие книги, делал литографии на сказочные темы.

Еще я люблю петь.

Вот и все, что в ответ на твою просьбу я смог рассказать о себе.

У меня ко всем ребятам тоже есть просьба: пожалуйста, развивайте свои таланты, любите сказку, умейте находить в жизни красоту и наслаждаться этой красотой.

Искренне ваш
Платон Швец

Е. ПЕРМЯК „Иголочки братья“

ЖЮЛЬ ВЕРН „80 000 километров под водой“, капитан Немо

Ш. ПЕРРО „Сказки“

МОСКВА ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
интер-адмирала
Н. КОСЫРЬЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания 19-й

КАК МАЛЕНЬКИЙ „ЯСТРЕБ“ ПОМОГ РЕВОЛЮЦИИ

Было это осенью 1917 года. Суровый месяц октябрь был на исходе. По улицам российской столицы то и дело проходили отряды рабочих, солдат и матросов. У Смольного над винтовыми пирамидами развевались красивые флажки... Винтовки... винтовки... Везде — винтовки. Но для успеха восстания оружия все равно не хватало.

Тогда Центроблат — штаб революционных морских Балтийского флота — отдал распоряжение доставить оружие из арсеналов полков, которые были расположены в Финляндии. Доставить оружие можно было только морем...

Маленький сторожевой корабль «Ястреб» стоял в порту Гельсингфорса. Командир его пригласил на койку отдохнуть, но его разбудили. Взвешенный матрос подал пакет. Командир надорвал плотный конверт. На серой бумаге было четко написано:

«СЕКРЕТНО»

«С получением сего срочного вклада в Финляндию: по прибытии явиться в полковой комитет в Финляндии и принять винтовки. По принятии винтовок соблюдать в Петрограде».

От Гельсингфорса до Финляндии — рукой подать. Глубокой ночью начали погрузку. По палубе грозили солдаты сапоги. Гарнизонные солдаты помогали грузить

ящики с патронами, несли пулеметы...

Перед выходом командир «Ястреба» собрал команду. — В Петрограде с часу на час начнется восстание, — сказал он. — Мы должны успеть доставить оружие рабочим... В море сейчас холодная видимость, туман, дождь. В Финском заливе на каждом шагу минны. Мы пойдем полным ходом. Вскоре может случиться. Предупреждаю об опасности. Желающие могут остаться на берегу...

В море ушел весь экипаж. Извилистыми вихрями, среди каменной и мелей, промозглой туманной ночью мчался «Ястреб» в Петроград. Ингода командир доставал из нагрудного кармана пакет и перечитывал секретную дельцу. «Что там, в Петрограде? Успели ли?» — думал он. Машины работали самым полным ходом. Посветлело. Стал виден Петроград. На берегах Невы у догварных кустов уже гремели люди.

«Ястреб» подошел к набережной. Его ждали рабочие. Вооружились прямо на палубе, рассказывая патроны по карманам, пробив тунне от сапозки затворы. Вынытавали на берег и заржали пулеметы. От корабля вооруженные отряды уходили в город: к Смольному, к Лите, к телеграфу. Началось восстание. Так маленький корабль «Ястреб» помог великому делу революции.

Г. ГУСЕВ

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ

Высоко над Черным морем, на горе Аю-Даг лежит камень Гайдар. К этому камню приходят ребята и загадывают желания. Самые сокровенные. Добьются до камня несложно. Ветер на вершине ветер, развевает красивые галстуки. Все шире раскрывается синий горизонт моря, все мельче сверху волны. Далеко плывет белый корабль. Вот и камень. Горячий камень Гайдара. Ребята подошли к камню, и каждый клал на него руку. На один лишь миг. Чтобы задумать желание. Никто не говорит и не скажет какое. Оно — тайна. Мое — тоже тайна. Но те, кто побывал в Артек, наверное, догадываются, что это за желание...

Лучшие юнкеры «Морской газеты» в этом году были награждены путевками в Артек. В их числе была и Тая

Парашиза из города Пушкин. Из Артека она прислала этот маленький рассказ.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ ЛЕНИНГРАДА

СПУЩЕН НА ВОДУ ОКЕАНСКИЙ СПАСАТЕЛЬ «ПЛАМЯ». «ПЛАМЯ» СМОЖЕТ ТУШИТЬ ПОЖАРЫ, ОБСЛЕДОВАТЬ С ПОМОЩЬЮ ТЕЛЕКАМЕР ПОЛУЗАТОНИРУЮЩИЕ СУДА, СВАРИВАТЬ ПОВРЕЖДЕННЫЕ ЧАСТИ КОРАБЛЕЙ ПОД ВОДОЙ, ЧТО ВЫ НИ СЛУЖИТЕ С КОРАБЛЕМ НА МОРЕ, «ПЛАМЯ» ПРИНЦИПИАЛЬНО ПОМОЩЬ.

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«НОЧЬЮ В МОРЕ»
Тамара Туранидзе,
село Среднекрайское Алтайского края

МОРСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА

Мечтать о море мальчишки будут всегда, так уж мальчишки устроены. Мечтали о море и Димка Майдин, и Петя Кляков, и Антон Донченко — герои книги писателя Кирилла Голованова. Приняли их, пятацдцатилетние, в морскую спецшолу. Мечты о море — романтика, морская же служба оказалась делом нелегким. Море — это умение дружить с товарищами: один в море пропадешь.

А тут еще война началась... Конечно, для мирной учебной Четки матросским строем уходили мальчишки в новую, военную жизнь. Непременно прочитай эту книгу. Называется она «Матросы Наркомлеса». Выпущена книгу издательство «Молодая гвардия» в 1975 году.

Ю. СТУДЕНЦОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ ПАРУСНИКИ МИРА

КЛИПЕР „КАТТИ САРК“

Их называли клиперы». По-английски значит «стригущие». Стригущие гребни волн. Это были самые быстрые парусники. Им принадлежал рекорд скорости для парусных кораблей — 21 узел! Онолоро километров в час! Клиперы несли прямые паруса на всех трех мачтах. Мачты были невысокие, зато длина рей доходила до тридцати двух метров, клиперы несли до четырех тысяч квадратных метров парусов. У клиперов были узкие, длинные, обтекаемые корпуса. Недаром их еще называли «гониме моря».

«Катти Сарк» — клипер. Оранжевый — в годы первой мировой войны — «Катти Сарк» была остановлена германской подлодкой. Ветер был слабый, и клипер беспомощно качался на волнах. Подводные пираты приказали командиру покинуть корабль, но команда не подчинилась. Подлодка открыла огонь. Вот уже свиреп дала в клипер, вот уже обрушился рей... И тут дунул ветер, и клипер рванулся в сторону. Подлодка за ним, но ветер зашел, «Катти Сарк» распустила все паруса и ушла...

СООБЩЕНИЯ

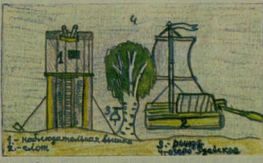
Дела в КЮМе идут хорошо. Курсанты сдавали экзамены по военно-морскому делу, шлюпочному делу, логике и флажковому семалофу. Экзамены сдали почти все ребята.

та. Двум юнцам присвоены звания старши шлюпочник. Теперь мы проходим стрелковую подготовку.

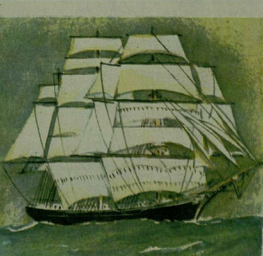
С комсомольским приветом
курсант КЮМа
Сергей Шувалов
Комсомольск-на-Амуре

Неподалеку от деревни — озеро Рлейское. Там мы с ребятами сделали базу. На берегу установили наблюдательную вышку. Построили плот. На березе повесили

рынду. Рынду нашли в разрушенном монастыре. Это был старый и ржавый лотос. На змее плот для сохранения выплывали, в петлю стопилим в воду. В отряде четыре человека. Другим мы горшох.

Олег Новиков, Кинешеп

ФЛАГМАН С АТОМНЫМ СЕРДЦЕМ

РАССКАЗ О САМОМ МОЩНОМ В МИРЕ
ЛЕДОКОЛЕ, ПОСТРОЕННОМ В ЛЕНИНГРАДЕ

С. МАРАКУЛИН
Фото автора

ДЛЯ ЧЕГО ОН НУЖЕН

Тысячу лет плавают человек в северных морях. Но сто лет с небольшим люди стали по-настоящему бороться со льдами: в 1864 году небольшой русский пароход-ледокол «Пайлот» мощностью в 60 лошадиных сил взломал лед Финского залива между Оранienбаумом и Кронштадтом.

А человечество не переставало мечтать о победе над льдами Арктики. Инженер Афанасьев, проектировавший знаменитый ледокол «Ермак», построенный по заданию адмирала С. О. Макарова, говорил, что для свободного плавания во льдах необходимо судно с мощ-

ностью двигателей в десятки тысяч лошадиных сил. «Ермак» был во много раз слабее...

Тогда мечты Афанасьева были похожи на сказку. Теперь, благодаря атомной энергии, строятся такие суда-исполины. Пятнадцать лет бороздит арктические моря первый в мире атомный ледокол «Ленин», в «мускулах» которого сосредоточена мощь в 44 тысячи лошадиных сил. В июне этого года навигацию в Северном Ледовитом океане открыл атомоход «Арктика», построенный на ленинградском Балтийском заводе. Он еще мощнее первого атомного ледокола. «Арктика» не знает себе равных.

Для чего нужны такие сильные ледовые «бойцы»? В последние годы на севере и востоке нашей страны были открыты запасы полезных ископаемых. Чтобы их взять и использовать, нужны хорошие морские дороги. Но четыре тысячи миль Северного морского пути большую часть года покрыты гигантским ледяным панцирем. Чем мощнее ледокол, тем легче ему разбивать самые толстые льды, тем лучше он сможет прокладывать «каналы» в ледяных полях для прохода караванов судов. Ледокол «Ленин» увеличил навигацию до 6—7 месяцев в году. А «Арктика» продлит ее еще больше.

ПЛАВУЧИЙ ГОРОД

Сколько требуется газа, электричества, горячей воды только для вашей квартиры? На ледоколе «Арктика» помещений больше, чем в

Центральный пост управления энергетической установкой корабля похож на пульт управления крупным современным предприятием

иных поселках — здесь их 1280. Это целый плавучий город. На судне установлена сложная электронная и радиоаппаратура, мощные двигатели, для работы которых нужно очень много энергии. Если бы ее вырабатывать из каменного угля, то весь караван судов, который ведет такой мощный ледокол, пришлось бы заполнить не полезными грузами, а углем. Жидкое горючее тоже в данном случае не выручит. Между тем все топливо «Арктики» размещается совсем в небольшом складе. И хватает его на многие месяцы плавания. Поэтому что это топливо ядерное. И вырабатывается из него атомная энергия. Много месяцев может атомоход работать во льдах и не заходить в порты для заправки горючим.

Сотни заводов и институтов нашей страны сделали для «Арктики» «умные» приборы. На обычных судах за работой механизмов следят электрики, механики и люди многих других профессий. На «Арктике» вахту несут приборы. Автоматы замечают малейшее «заболевание» механизма, в случае надобности отключают его и прикажут работать агрегату-дублеру. А человеку стоит только нажать нужную кнопку — и судовые работы отчитаются перед ним о проделанной работе.

«Сердце» корабля — атомный реактор — одет в толстую стальную и свинцовую рубашку. Внутри этого «котла» бешут невиданной силы «костер», а крышка этого удивительного «самовара» чуть теплая. К реактору можно подходить без всякой опаски: все излучение от работающего мирного атома поглощается толстым панцирем.

На борту атомохода есть даже свой вертолет, который ведет разведку льдов впереди корабля, есть здесь и свой автомобиль.

Экипаж корабля живет в удобных одно- и двухместных каютах. Здесь есть душ, финские бани, плавательный бассейн, отличные кино- и спортивный залы и даже грядки, на которых растут цветы и зеленый лук. Такого еще никогда не было, чтобы среди льдов Северного Ледовитого океана плавала грядка с зеленью!

КТО СТРОИЛ АТОМОХОД

Атомный ледокол «Арктика» создавала вся страна. Но главная нагрузка легла на прославленный коллектив ленинградского Балтийского завода. Предприятие доверило строительство лучшим специалистам. В «Арктику» вложили свое мастерство такие ветераны завода как член Коммунистической партии Советского Союза, Герой Социалистического Труда В. А. Смирнов, Герой Социалистического Труда А. В. Чувев, судосборщик Н. С. Сорокин, более 50 лет проработавший на предприятии. Здесь же трудились и два его сына.

Комсомольская организация Балтийского завода взяла шефство над сооружением крупнейшего в мире атомохода. Как радовались

все, когда секции атомохода, на которых алев силуэт комсомольского значка, вовремя поступали на сборку и были отличного качества!

КТО ПОВЕДЕТ ЛЕДОКОЛ

Команда для флагмана ледокольного флота подбиралась чуть ли не с такой же скрупулезностью, с какой комплектуются экипажи космических кораблей. Не удивительно: как бы ни была надежна автоматика, как бы ни были умны вычислительная машина и другие электронные приборы, последнее слово останется за человеком.

Капитан ледокола «Арктика» Ю. С. Кучнев родился в Северной Осетии в горном ауле Тиб. Один знакомый посоветовал ему поехать матросом на Север. Знаменитые полярные капитаны стали учителями кавказца. Со временем выработались у него и терпение, и привычка к однообразно ослепительному ледяному пейзажу. Смелость, острый глаз и упорство помогли ему стать опытным ледовым капитаном. В разных должностях ходил он по северным морям на «Ермаке», «Красине», «Сибирякове», «Малыгине», «Киеве», «Мурманске», «Илье Муромце». Он был капитаном атомохода «Ленин».

Экипаж «Арктики» сравнительно невелик. Большинство — инженеры и техники, они прошли специальную подготовку. Есть на корабле должность, которой не было на обычных судах, — главный инженер. Им работает Олег Георгиевич Пашнин.

ЭКЗАМЕН

Первые обороты гребные винты атомохода сделали в Неве. А первый экзамен «Арктика» держала в водах Балтийского моря. Здесь испытывались все агрегаты и конструкции, тщательно исследовалось «дыхание» мощной атомной паротурбинной установки, уникальных генераторов и гребных механизмов.

Потом был поход в Таллин, где над «Арктикой» взвился Государственный флаг СССР. Затем — переход в порт приписки — Мурманск, во время которого атомоход попал в шторм. И я почувствовал гордость за всех, кто создавал корабль-богатырь, когда услышал от капитана «Арктики»:

— Корабль получился очень удачный, у него великолепные мореходные качества.

А потом я разговаривал с капитаном после первого похода «Арктики» в Северный Ледовитый океан. Он рассказал, что корабль уверенно шел в тумане, благодаря отличному навигационным приборам. Он крушил тяжелые льды в тех местах, где до него не бывало ни одно судно. Наша страна может гордиться самым мощным в мире ледоколом.

ШАЙБУ! ШАЙБУ!

РАССКАЗ

И. МЕЛЬНИКОВ

Рисунки Л. Вознесенской

Я лег спать рано. Я решил хорошенько выспаться, потому что завтра мы играем в хоккей на кубок с ребятами из нового городка.

Лег я спать, а заснуть не могу. Все про ирру думаю. Комбинации в голове прокручиваю. Наконец, успокоился, уснул кое-как. А когда утром проснулся, то вскопился с кровати как ужаленный. Проспал! Уже девять часов! Ребята уже на катке. Ведь в девять мы договорились провести разминку.

— Мама! — кричу я. — Что же ты не разбудила меня? Я же просил!

— Успокойся, капитан, — отвечает мама. — Никакой игры у нас сегодня не будет.

— Как это? — вытаращил я глаза.

— Занесло ваш каток, — говорит мама. — Ночью такая метель была, просто ужас!

Я кинулся к окну, раздвинул занавески и обомлел: снега намело по самые окна. Я чуть не взвыл с досады и начал одеваться как по тревоге.

— Иди завтракать! — зовет мама из кухни.

Какой там завтрак! Я хватаю коньки, клюшку и — бегом на улицу. А на улице сугроба — выше головы! Широк, широк — скребут лопатами дворники по всему поселку. Я бегу, налетаю на прохожих. Те ругаются, грозятся встать. Я сворачиваю за последний дом и выбегаю на пустырь, где залит наш каток. Еще издали я вижу ребят. Все уже собрались. Вон Женька Ромашкин, защитник, вон и наш маленький вратарь, по прозвищу Пучок. Все тут. Проваливаясь по колено в снег, я пробиваюсь к ребятам и ахаю: за ночь снег завалил каток так, что и ворот не видно.

— Вот, полюбуясь. Через два часа играть, а играть негде, — ворчит Женька Ромашкин и с яростью бьет клюшкой сугроб.

— Что будем делать, капитан? — спрашивает Пучок, и все ребята смотрят на меня. И тут меня такая злость берет на этот снег, что я решительно говорю:

— Будем разгребать! — и еще решительнее команду: — Айда за лопатами!

Скоро мы притащили лопаты: кто железные, кто деревянные, и всей командой навалились на сугроб. Работаем как окаянные! А снег сыпучий — крупа да и только, совсем на лопате

не держится. Устали. Запылились. А толку мало, лишь один ворота кое-как откопали.

Первым сдается Ромашкин:

— Надо что-нибудь придумать, — говорит, — так и до ночи не управимся.

Он бросил лопату и вытер шапкой пот.

— А что, если растопить снег? — надумал Пучок. — Облить его керосином и поджечь!

И тут все словно прорвало. Предлагать начали разные:

— Бензином лучше! Бензином!

— Сказал тоже — растопить! Трактор надо...

И пошло, и поехало! Шум поднялся, галдеж. Руками размазываем. Спорим.

В это время на дороге, что проходит рядом, остановился незнакомый человек в кожаном пальто и меховых унтах. Он, видно, решил, что мы деремся. Подошел к нам и спрашивает:

— Что случилось, ребята?

Мы перестали шуметь и рассказали ему про нашу беду. Вот-вот приедут ребята из нового городка, скоро начнут собираться болельщики, а игру придется отменить.

— Да, положение сложное, — проговорил незнакомец и осмотрелся кругом, словно хотел запомнить место. Потом помял в руках снег, проверяя, какой он — липкий или сыпучий, взглянул на часы и вдруг сказал:

— Я помогу вам, ребята. Ждите меня, я скоро. — Сказал, вышел на дорогу, остановил попутный грузовик и уехал.

Все случилось так неожиданно, незнакомец так быстро укатил, что мы не успели спросить его, как же он нам поможет? Чем?

— Он, наверное, начальник какой-нибудь, — сказал Женька Ромашкин.

— Нет, — говорит Пучок, — он работает на маленьком бульдозере с большими колесами. На нем можно быстро прикатить...

В общем, мы повеселели и с нетерпением стали глядеть на дорогу. Ждать. Но время шло, а на дороге никаких бульдозеров не показывалось.

Вдруг из-за леса вынырнул вертолет. Вначале мы не обратили на него особого внимания. А потом смотрим — летит прямо к нам. Низко летит. Все ближе. Все громче рокот мотора. И вот уже, отлущая ревом, вертолет пронесся над нами, развернулся и... повис над катком. И не успели мы что-нибудь сообразить, как вертолет заревел страшным авером. Мы бросились врассыпную, попадали в снег.

Что тут началось! Ветер от винта ударил в снег. Снег взметнулся, закрутился и ураганом понесся прочь. Над катком бушевала настоящая буря. Белым-бело сделало вокруг...

Сколько времени прошло — минута или пять, только реж мотора вдруг стих. Буря улеглась. Мы вылезли из сугроба, глянули и не поверили своим глазам: каток бистел, как зеркало! А над зеркалом висел вертолет. Из кабины высунулся летчик, и мы сразу узнали его. Это был незнакомец в меховых унтах! Он

помахал нам рукой, и вертолет стал быстро подниматься в небо...

Скоро мы начали игру. Собралось много болельщиков, и среди них мы увидели нашего летчика. Он стоял в окружении мальчишек и громче всех кричал:

— Шайбу! Шайбу!

Юные друзья пограничников
Тоня Дубада,
Нана Микаладзе,
Аснат Беридзе
на занятиях

На слете юных друзей пограничников

Джонел Мирабидзе и Зидар Чахарадзе на полигоне

В одной школе ребята стали спрашивать меня о том, как быть, если склонности у них такие, которые ни для какой профессии пригодиться не могут.

Например?

Например, нравится возиться с лошадьми, кошками, собаками, воспитывать их нравиться, а в цирке работать не хочется... Или, допустим, физика не интересует, и математика не интересует, а всякая ерунда запоминается: погода по дням, расписание поездов — один раз поглядеть и все... Или, допустим, в десять раз лучше соображаешь, если тебе никто не мешает, а лучше всего, когда вообще один...

Признаюсь, ничего путного на их слова я ответить не смог, но вопросы засели в памяти, я бессознательно носил их при себе, и когда через месяц поехал в командировку к батумским пионерам, увидел ребят, занятие которых мало ответ на те вопросы. Я встретился с членами отряда ЮДП — юными друзьями пограничников. Было это недалеко от города Батуми.

М. НЕЛИДОВ

ОСОБЫЕ

Бежит шоссе, блестит море, стоят горы, разноразные виноградники, пасутся привязанные к колышкам козы, по шоссе ездят в Батуми и обратно грузовики, легковые и автобусы. Кто на рынок едет, кто с рынка, кто на работу, кто просто так — погулять. Мирная жизнь, мирные дела, школа, уроки, игры, домашние обязанности... А рядом — граница.

Я вышла тогда из дому нарвать травы для кроликов, — рассказывает Изабелла Леонидзе, школьница. — Если их выпустишь, их снова уже не поймать... Вот я и пошла за травой. Дело было вечером. Совсем недалеко от дома отошла, рву траву и вдруг между деревьев вижу этого человека, ни разу его не встречала, незнакомый. И в руках у него что-то странное — то ли радиоприемник,

то ли еще что-то похожее... Он меня не сразу увидел, а когда увидел, то вздрогнул. А почему человек вздрагивает, если ему нечего бояться? Значит, есть чего бояться? Он вздрогнул и спросил меня: «Как тебя зовут?» По-русски спросил. Я ответила. А зачем ему было знать, как меня зовут? На всякий случай я не стала подходить к нему ближе, но решила, что далеко не отойду, буду собирать траву вокруг, чтобы мне все время его видеть. А он будто и не знает уже, что ему делать. В это время подошла моя мама, которая решила посмотреть, почему я долго не возвращаюсь. Я дала ей посмотреть глазами, чтобы она продолжала следить за этим человеком, а сама ей говорю: «За хлебом-то еще успею?» И пошла к дому учителя, у него телефон был. Из дома учи-

СПОСОБНОСТИ

теля я сразу позвонила в милицию и в райком комсомола, а мама в это время разговаривала с незнакомым человеком как ни в чем не бывало. Потом она мне рассказала, что он стал ее спрашивать, где останавливается автобус номер восемь. А номер восьмой — это городской автобус, у нас он не ходит, а ходит только загородные. Но мама постаралась, чтобы он не понял, какую оплошность допустил в разговоре, довела его до автобусной остановки, а когда автобус подошел, подала знак водителю. Незнакомый человек вошел в автобус, водитель закрыл двери, а за поворотом автобус уже ждала пограничница...

Вот так, без погони и стрельбы, лишь благодаря спокойствию и наблюдательности обыкновенной семиклассницы, был задержан подозрительный человек.

Он оказался вблизи дома, где живет Изабелла Леонидзе, случайно, но не случайно был задержан. Я видел, как занимаются со своими юными друзьями пограничники. Ребята показывают боевую технику, рассказывают, как используются проекторы и средства радиосвязи. Время от времени бывают общие праздничные встречи — слеты ЮДП, когда ребята заполняют заставу, а потом стоят в общем строю, и пионеры, знаменосцы в фуражках с зелеными околышами, выносят знамя отряда ЮДП. Конечно, такие праздники бывают, но главным звеном дружбы между ребятами и пограничниками являются личные индивидуальные отношения ребят и взрослых, охраняющих границу. Вот идет по лесу пограничник с овчаркой, а за ним трое ребят. Сначала ребята будто просто бегут следом, бы-

стро прогуливаются по лесу, ничего кругом не видят, не замечают — им только бы успеть за овчаркой и ее хозяином, через неделю уже начинают понимать, когда можно болтать друг с другом, а когда надо лгати тихо, через месяц ребята уже становятся поинто, почему вдруг остановилась и припала к земле собака, зарыв нос в листья, а через полгода тот же мальчик или та же девочка идут по пограничному лесу, читая его сообщения, как по книге. Следы, запахи, звуки начинают складываться для них в особую, понятную лишь пограничнику картину.

Как же нет профессий, в которых нужны качества, упомянутые ребятами на встрече в той школе? Нет и не может быть в человеке таких качеств, которые нельзя было бы где-нибудь использовать, которые бы не были остро необходимы при некоторых профессиях. Но надо искать. Искать неутомимо и как можно раньше. Если ты будешь знать свои склонности, знать, к чему тебя влечет — у тебя гораздо больше вероятный выбрать себе любимое дело на всю жизнь.

КРАСНАЯ КОННИЦА

Борис АЛМАЗОВ
Оформление Р. Попова

ЧЕТЫРЕ НАГРАДЫ ЛЕГЕНДАРНОГО МАРШАЛА

В сентябре 1914 года на германском фронте взвод драгун вел разведку в глубоком тылу противника. Два десятка кавалеристов бесшумно вышли к дороге. По ней беспечно двигался немецкий обоз. Кайзеровские офицеры рассуждали так: обоз огромен, при нем два станковых пулемета и батарея. Вступить в бой с такими силами может только большая войсковая часть, а большому соединению через фронт не просочиться. И вдруг!

— Клинки к бою! В атаку! Ура!

Обозникам показалось, что фронт прорван, они побросали винтовки. Из набега драгуны привели 200 пленных, 85 повозок с теплыми вещами, две повозки с револьверами и хирургическими инструментами. Все они были награждены георгиевскими медалями «За храбрость»,

Окончание. См. «Костер» № 9, 1975 г.

М. ГРЕКОВ. „Трубачи Первой Конной Армии“

а их унтер-офицер — Георгиевским крестом 4-й степени.

Приказ о его награждении напечатали газеты. Так впервые прозвучало на всю страну имя Семена Михайловича Буденного.

В полку, где служил Семен Михайлович, отличался изумством старший унтер-офицер Хестанов, он измывался над драгунами как мог. Буденный не выдержал и вступился за солдат.

И вот, вопреки всем законам, за выступление против старшего чином Буденного лишают Георгиевского креста. Однако награда сыграла роль в судьбе будущего маршала. Не будь ее, он был бы расстрелян.

Второй «Георгий» он получил за хладнокровие и расчет. В нескольких атаках под Менделеевым молодой командир не только проявил личную храбрость, но привел живым почти весь взвод (это под пулеметами-то). В январе 1916 года Буденного награждают Георгиевским крестом 3-й степени.

Особенно отличался он в набегах, на собственном опыте постигал будущий полководец все тонкости маневренной войны.

Двадцать два дня взвод Буденного ходил по турецким тылам, собирал сведения, нарушал коммуникации, телефонную связь, искал слабое место в обороне, а на обратном пути драгуны прихватили с собой сторожевую заставу противника. На груди фронтовика появился «Георгий» 2-й степени.

И, наконец, опять в разведке, куда Буденный пошел за «языком», он захватил шестерых солдат и унтера турок. Он получает «Георгий» 1-й степени. Отныне он полный георгиевский кавалер: четыре креста и четыре георгиевских медали. Полных георгиевских кавалеров было очень мало.

Царское правительство пыталось создать себе из них опору. Они получали большую пенсию, их дети бесплатно обучались во всех учебных заведениях России. Георгиевским кавалерам увеличивали земельный надел и освобождали от податей.

Но не таков был Буденный, чтобы на эти

привилегии польститься. Сразу после свержения самодержавия он переходит на сторону революции. В полку помнят не только его храбрость, но и справедливость, его самоотверженность. Поэтому Буденный единогласно избирается председателем полкового, а потом и дивизионного комитета.

На Петроград идет Корнилов. Дивизия, где служил Буденный, стоит в это время под Минском. И вот, действуя по указанию большевистской организации Западного фронта, будущий маршал под Оршей разоружает «Дикую» дивизию.

Почти четыре года не был драгун дома. Тянет к родной земле. Полк распался. Солдаты разошлись по домам. Вернулся в станицу Платовскую и бывший унтер-офицер Буденный. Вернулся, чтобы продолжать борьбу за Советскую власть. Отсюда начнет свой путь Первая Конная, созданная Буденным.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ВЕРСТ БОЕВ

Партизанский отряд был окружен. Три тысячи бойцов из последних сил отбивали атаки врага. Патроны на исходе, а белые наседали. С каждой атакой реже становились ряды защитников и все ближе к штабу прорывались оскаленные казачьи кони.

И вдруг на позиции белых обрушился ураган сабель. С юга и севера ударила красная конница. Это был первый бой Красной Конной Армии.

Считалось, что создать конную армию можно не менее чем в пять лет — пока коней соберешь, пока людей обучишь... Но красная конница была создана за несколько месяцев и сразу же вступила в бой. Да в какие бои! Ка-

ВЕЧЕРНИЙ ВЫПУСК.

ВЕСЕЛА ТАРИН ВЕСЕЛ ВСЕХ СТРАН СОБРАНИИТЕЛЕ

КРАСНЫЙ КАВАЛЕРИСТ

Тираж 5000 экз.	Пятница 11 июня 1920 год	150
-----------------	--------------------------	-----

Фронт врага прорван. Зняты Бердичев и Житомир.
Киев оставлен противником. Фастов в наших руках.

Боевая газета Первой Конной Армии

валеристы налетали лавой на врага, а тачанки, группами по десять—пятнадцать вместе, поливали врага свинцом. Конница впервые на фронтах гражданской стала взаимодействовать с бронемашинами.

Тяжелы были бои под слепящим солнцем Туркестана и черными ночами в Польше, когда кажется, что всадник плывет в чернильной темноте, и даже конской гривы не видно.

Тяжелы были бои со шляхтой! Измотанная длинными маршами шла Первая Конная на Варшаву, а в это время в спину молодой республике ударил Врангель. Вот тогда произошло то, что западные историки до сих пор называют чудом: за два месяца, голодная разоренная страна создает Вторую Конную Армию и отбрасывает белых за Днепр.

И, наконец, последний и решительный.

Через гнилой Сиваш, где по колено, а где по грудь в ледяной воде, переводят коней красные кавалеристы и, стремительно растекаясь по Крыму, сбрасывают Врангеля в Черное море.

Н. САМОКИШ. „Атака“

Теперь Страна Советов может освободить часть сил для восстановления хозяйства. Но трубачи Первой Конной еще не скоро сыграют отбой. Еще долго будут красные конники громить всякие банды в Поволжье, на Дону, на Украине...

Конница пахарей и кузнецов, батраков и шахтеров, кажется, что ты не остановилась, не

К. КИТАЙКА. „Василий Иванович Чапаев“

растеклась по дальним пограничным гарнизонам, а так и скачешь поезкадронно, неслышным галопом уходя в песни, стихи и легенды...

СМОТРЯТ ВСЕ, А ВИДЯТ НЕМНОГИЕ...

Невелик был конный завод, да знаменит. Двадцать семь жеребцов стояло в его конюшне; и среди них три, на которых возлагали огромные надежды. Их предки были обменены царем в Австрии на русских солдат. Целый батальон рослых гренадеров был послан воевать в чужую страну и сложил там головы, так что за этих коней было заплачено кровью народного.

Внешне кони мало отличались от своих соседей. В конюшне все лошади были рослые, горячие... Но стоило выпустить их на дорожку ипподрома, как становилось ясно, что в резвости им нет равных.

Бандиты ворвались, ввалились в квартиру начальника конного завода — начкона.

— Красный прихвостень! — рявкнул главарь и наотмашь ударил коневода по лицу плетью. — Давай коней.

— Кони государственные, — утер кровь начкон. — Что хотите делайте, не дам.

— Сами возьмем, — главарь ударил его в висок револьвером.

Начкон упал.

— Ищите ключи.

Они обшарили комнаты, переворачивая вверх дном все, разбрасывая бумаги.

— Быстрый, быстрый! — торопил главарь. — Тут пограничники недалеко. Налетят — изрубят. Надо по-тихому. Сейчас коней возьмем и за кордон. Коням этим цены нет, до конца жизни на золоте есть будем.

Они уже возились с замком у конюшни, когда старик конюх подбежал со своим маленьким внуком к зданию с другой стороны. Торопясь, он посадил мальчишку, и тот юркнул в маленькое окошко под самой крышей.

— Господи! Помоги! — крестился старик. — Ванюшка, милый, на тебя одна надежда. Всю войну коней берегли, сколько частей мимо прошло, уж как просили... Не дали! Неужто гадам этим отдавать?

Минут через пятнадцать бандиты сбили замки и влетели в конюшню. Захрапели, затопали кони.

— Ну-ко, — главарь достал фонарик и стал читать таблички над денниками. — Всех бы угнать!

— Не пройдем по тропам! — сказал пожилой бандит в шинели кавалериста.

— Черт с ними. Берем самых лучших. — Он вытащил из кармана записку: — Вот у меня записано. Коллинз, Эконом, Персей... вот этих троих в первую очередь выводи. Остальных от двери ближних... седлайте!

Они вывели коней и закидали двери соломою.

— Быстрый, быстрый! Зажигайте!

В селе ударил набат!

— Вот! Сейчас пограничники навалятся! По коням!

И бандиты рванулись к лесу. Из села с ведрами и баграми бежали крестьяне. Они быстро загасили солому, вбежали в конюшню. Впереди них, шатаясь, шел начкон. Он глянул на пустые денники и схватился за голову.

— Не уберегли!

— Так что все в порядке! — раздался из дальнего конца конюшни мальчишеский голос. — Не волнуйтесь — они породных не увели...

— Что?

— Я их с другими конями в денниках поменял. Все три здесь. Бандиты-то по табличкам смотрели... В конях-то они не понимают! Конь-то ведь он что, на него все смотрят, а видят немногие...

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Эта война была названа «войной моторов». Огромные сражения, страшное скопление техники словно бы заслонили кавалерию. А она дралась! Дралась честно и мужественно. Кавалеристы принимали участие почти во всех крупных сражениях. Они были под Оршей, под Смоленском, дрались за Ростов. Армейская

конница, конница партизанская, конница казачков-ополченцев.

Конь слабее мотоцикла. Он бежит со скоростью 10—20 километров в час и если одолеет 100 километров в сутки — это, считай, подвиг. Но зато конница всегда идет по кратчайшему пути через овраги и болота, форсируя реки и просачиваясь сквозь лесные чащобы.

В Великую Отечественную войну конница была самым неуловимым родом войск. Вот что писал о ней один из главных немецких военачальников генерал Гальдер: «Мы постоянно сталкиваемся с конными соединениями. Они так маневренны, что применить против них мощь немецкой техники не представляется возможным. Сознание, что ни один командир не может быть спокоен за свои тылы, угнетающе действует на моральный дух войск».

Нервничал генерал. Еще бы ему не нервничать, если только один конный корпус Доватор сковал тылы целой армии.

Беспощадные неуловимые всадники чудились фашистам всюду. Три-четыре тысячи бойцов наводили такой ужас, что командование оттягивало с фронта целые соединения для борьбы, как писали гитлеровцы «со стотысячной казачьей армией».

Танки, самолеты, артиллерию бросали немцы против отчаянных кавалеристов и много раз в штабы докладывали, что, наконец-то, с конницей покончено, но она появлялась снова и снова, жгла автоколонны, громила штабы и обозы, разгоняла целые полки, идущие на фронт.

Подвиг двадцати восьми панфиловцев известен всей стране. Но не всем известно, что рядом с ними стояли насмерть советские кавалеристы. А их под Москвой было много! Только с других фронтов сюда было переброшено 15 дивизий. Они первыми пришли на помощь столице, когда линия обороны пролегла в двенадцати километрах от города.

Казак прорывался через фронт из немецких тылов, где сеяли панику и смерть среди фашистов, и сразу становился в ряды защитников.

Знаменитое Волоколамское шоссе прикрывал конный корпус Доватора. Каждый боец дрался за пятерых. На сотом километре шоссе стоял в обороне 37-й кавалерийский полк. Но от полка оставался один номер, а бойцов было на эскадрон — чуть больше трехсот.

Два дня почти непрерывно шел бой, но казак не отступил. Утром 19 ноября 37 кавалеристов повторили подвиг панфиловцев. В неравном бою они сожгли 20 танков.

Замерзала в снегу техника, не выдерживали машины, но конница носилась по фронту, закрывая собой брешь, которые фашисты пробивали в нашей обороне. Не успела вторая тан-

П. КРИВОНОГОВ.

„Советская конница

в боях под Москвой. 1941 г.“

ковая армия знаменитого Гудериана прорваться к Кашире, как навстречу ей помчались конники Белова. За одни сутки они прошли по бездорожью сто километров и с ходу вступили в бой.

Что ж, они клинками танки останавливали?

Нет, это была совсем другая кавалерия, чем в гражданскую. Теперь это были конно-механизированные корпуса: с пехотой, с «катюшами», с танками и авиацией. Это была грозная сила: от техники она взяла свою мощь, а конница давала маневренность, подвижность, неуловимость и... лихость!

И так было всю войну. И хотя ее и называли «войной моторов», даже в 1945 году кавалерии нашлось дело.

Казак участвовал в Берлинской операции. Дивизия Блинова спасла 50 тысяч военнопленных, заперла дорогу на Дрезден.

Казак Баранова дрался за Эльбой — готовил освобождение Праги. 7-й гвардейский корпус взял города Ратенов и Бранденбург. И, наконец, 3-й гвардейский корпус взял Рейнбург и встретил на Эльбе союзников.

Так славно закончила свой исторический путь русская, советская конница!

Александр
ВАРШАВЕР

Я пришел в комсомольскую организацию Ботанического сада, чтобы узнать об участии молодежи в озеленении городов и поселков нашей страны. Секретарь охотно ответил на все мои вопросы, а затем протянул большой конверт, в который было вложено несколько машинописных страничек.

— Советую ознакомиться, — сказал секретарь.

Я стал читать:

«Дорогие товарищи!

По поручению моих сверстников обращаюсь к вам — помогите! Нужно достать несколько кустов роз (желательно красных), но таких, чтобы могли переносить сибирские морозы. Позвольте подробно рассказать, что заставило нас обратиться с такой просьбой.

Мы, комсомольцы 1919 года, через много лет решили встретиться в родном селе. И вот собрались.

Вечером в сельском клубе провели беседу с молодежью. Рассказали о том, каким было село до революции, а когда все разошлись, решили провести «заседание нашей ячейки».

Попросили у завклубом красную лампу. «Зачем? Да и где же я вам ее достану», — удивился тот. Выручила библиотекаря: нашла где-то лампу с треснувшим стеклом. Застелили стол куском кумака, выключили электричество, зажгли лампу...

Вот за столом мы — бывшие бедняцкие дети, Гриша Жилин — ныне профессор, Ваня Панин — Герой Советского Союза, генерал, Маша Аникина — заслуженный врач, Луша Пронина — известная всей стране телятница, награжденная тремя орденами Ленина, Паша Кочин — знатный механизатор леспромпхоза, кавалер двух орденов Славы.

Посидели молча, а потом стали вспоминать тех, кого уже нет. И сразу же вспомнили Розу, нашу комсомолку, первую жертву кулацкой ненависти. Имя ее было Ульяна, а прозвали ее Розой вот почему. Привез как-то ей отец из города флакон из-под духов, с розой на этикетке, и сделался

КОМСОМОЛЬСКОЕ

ПОРУЧЕНИЕ

Рисунки А. Ежелина

тот флакон для Ульянки самой дорогой игрушкой. Жила Ульяна на выселках, в одной версте от села. Стояли там всего три избы.

Отец ее — Степан Сулимов, был грамотный мужик, знал законы, за что и был особо нелюбим местными властями. Когда началась первая империалистическая война, его сразу же забрали в армию.

Вернулся Степан незадолго до Октябрьской революции. Вернулся без левой руки, сильно хромял. Вместе со Степаном в селе появились еще несколько фронтовиков. В ноябре они разогнали волостную управу и организовали Совет. Первым председателем его избрали Степана.

Но недолго просуществовал Совет. Власть в Сибири захватил Колчак. Нагрянули в село каратели, схватили членов Совета и увезли с собой. Только Степану и еще двоим, жившим на выселках, удалось бежать в тайгу. Мать Розы каратели жестоко избили, допытываясь, где муж. Вскоре она умерла. Осталась Роза одна. Целый год жила и работала у купца, убирала лавку, нянчила детей, доила коров.

Когда Колчака разгромили, вместе с партизанами приехал домой и Степан Сулимов. Снова стал заседать в Совете.

В том же девятнадцатом году в нашем селе была организована комсомольская ячейка, а первой комсомолкой стала Роза. Чем только мы тогда не занимались! И ликвидацией неграмотности (в первую очередь своей), разъясняли населению постановления Советской власти, собирали для Красной Армии теплые вещи. Однажды хотели поставить спектакль, но ничего из этого не получилось: о театре никто из нас не имел никакого представления.

Еще мы ежедневно мечтали о будущем, и в этом никто из нас не мог сравниться с Розой. Она говорила, что очень скоро наступит такое время, когда все люди будут сыты и красиво одеты. А самое главное — и в домах и на улицах

будет много роз. Красных, больших — она показывала руками размеры цветов, — величиной с кочан капусты.

Никому из нас даже не приходило мысли, что может быть иначе.

Как-то к нам пришел отец Розы. Он сказал, что в соседних уездах появились кулацкие банды.

— Так что, ребята, нужно быть начеку, смотреть в оба, — заключил предсельсовета.

Роза с отцом по-прежнему жила на выселках. Не хотел Степан переезжать в реквизируемые кулацкие дома.

— Нельзя мне, — говорил он, — власть свою в этом проявлять. Вот зиму еще проживем на выселках, летом перенесу дом в село.

Говорили ему, что, мол, это опасно, а он только рукой отмахивался, — «ладно, ладно, а наган у меня для чего?» Махал, махал, да и не отмахнулся.

Случилось это весной 1920 года.

Вечером примчался в село комиссар уездной ЧК Федор Думин. Спрашивает: — Где Сулимовы?

Ребята отвечают: «Дома, наверное. Где же им еще быть». Только сказали, как вбегает кто-то из наших и кричит: «Пожар! Выселки горят!»

Вскочил комиссар на коня:

— Отряд! За мной!

Вскоре оттуда прибыл всадник за фельдшером и кошкой. Сообщил, что Степан кем-то убит, а Роза смертельно ранена.

На следующий день мы хоронили Степана и Ульяну Сулимовых.

На похороны пришло все село. У вырытой ямы стоял в полном составе полк и комсомольский отряд самообороны.

«Товарищи, — сказал комиссар, — товарищи мужчины и женщины, мы хороним сегодня двух героев. И обещаю тебе, Степан, и тебе, Ульяна, обещаю и кланяюсь, что никто никогда не сможет обновить революцию!»

Все это мы, старые комсомольцы, вспомнили, сидя перед коптящей керосиновой лампой, и тут же наша ячейка приняла такое решение.

Первое. В целях сохранения вечной памяти Ульяны и Степана Сулимовых — первой комсомолки и первого председателя Совета, погибших от руки классового врага, установить на их могиле памятник.

Второе. Поручить товарищу Быстрову достать розы красного цвета, которые не боятся сурового климата, и посадить их около памятника.

Вот почему я написал вам это письмо.

По поручению собрания Быстров».

Я прочитал письмо.

— Ну, и как вы?..

Собеседник не дал закончить вопрос.

— Вот наш ответ.

И он протянул мне квитанцию аэропорта о приеме семидесяти пяти килограммов «кустарниковых корней» и телеграмму с благодарностью от сельских комсомольцев.

— И розы привились? — поинтересовался я.

— Цветут уже третий год. Вот посмотрите на фотографии.

В центре поселковой площади, прямо против двухэтажного здания школы, росли кусты густо цветущих роз. Со всех сторон обступали они гранитный монолит красного цвета.

У основания монолита лежала полированная гранитная плита, тоже красного цвета, с надписью:

«Ульяна-Роза

Сулимова

первая комсомолка

—

Степан Андреевич

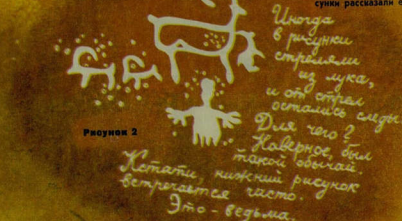
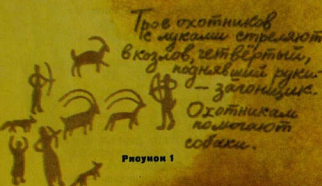
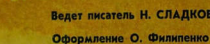
Сулимов

первый председатель
сельсовета

—

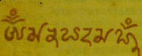
Погибли от руки классового врага

9 марта 1920 года»

РИСУНКИ НА СКАЛАХ

Восемь лет назад, в 1967 году, мне удалось впервые проникнуть в каменистое ущелье Тайгак в горах Чулак. Уже при входе в ущелье бросилась в глаза непонятная надпись, высеченная на скале. Вот она. Буквы уже

покрылись пустынным загаром: надписи было не менее 300 лет. Древнее заклинание, охранная надпись. Это был как бы вход в удивительный природный музей наскальных рисунков.

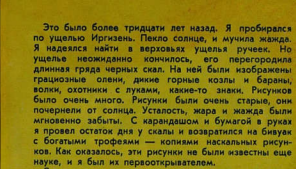
Время и смелые раскопки разрушают скалы, много рисунков уже погребено, но немало их и сохранилось. Особенно поразили воображение антрацитово-черные скалы, на которые я наткнулся в одном из боковых отщепов. Голубое небо отражалось в гранях отполированных ветром скал, и все скалы были в рисунках. Це-

Лучше всех, наверное, наскальную живопись Казахстана знает Павел Иустиневич Маркизович — писатель, профессор, доктор наук. Много лет в свободное время он искал, описывал и копировал эти рисунки. Рисунки рассказали ему, как жили люди много тысяч лет назад, какой была тогда природа Казахстана. Рисунки рассказали ему, а он — нам...

Н. СЛАДКОВ

человек
любит и
почитать

Не правда
свиститъ въ
дѣтѣхъ веролю-
бе роуахъ
когда, ложа
съ горбачи
веролюда
роуахъ
когда.

С тех пор я стал интересоваться наскальной живописью когда-то давно живших народов Средней Азии, обследовал множество гор пустыни, обнаружил немало рисунков, пересмотрел их не менее сорока тысяч и скопировал из них самые интересные и значительные...

Человек никогда не довольствовался только тем, чтобы быть одетым и сытым. Свои чувства, мысли, верования он пытался запечатлеть в рисунках, песнях, сказаниях и легендах. Рисунки на скалах отражают жизнь древнего человека. Некоторые выбиты рукою человека каменного века — двадцать-тридцать тысяч лет тому назад. Их немного, они грубы и очень глубоки. Потом, с появлением бронзы и железа, человек стал гравировать рисунки, ударяя по куску металла чем-нибудь тяжелым.

Прежде всего человек рисовал главное — зверей. Он ведь питался их мясом, одевался в их шкуры... Потом древний человек рисовал, как он охотится... (рисунки 1 2 3 4 5)

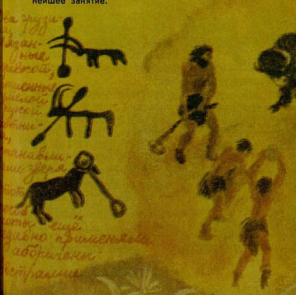
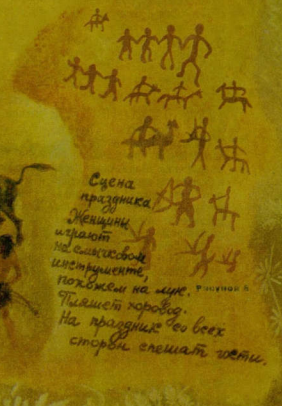
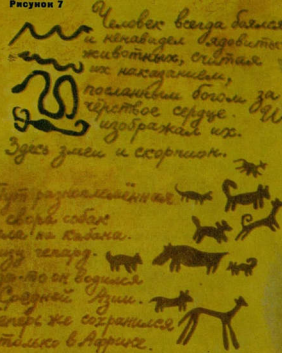
Потом древний человек рисовал, как он отдыхает... (рисунок 6).

Кого боялся древний человек и чему удивлялся (рисунки 7, 8).

Сейчас много археологов и этнографов-любителей изучают наскальные рисунки. С помощью их они находят, населявших ту или иную местность. Ведь численность у многих народов появилась только в сравнительно недавнее время. Но все, что сейчас найдено — ничтожная часть существующего. Великое количество рисунков и пещерных наскальных рисунков в недоступных местах джунглей пустынных гор, в пещерах. Вы — пионеры. Пионер — значит первый, пионер — открыватель. Присмотритесь к скалам, камням, которые вы встретите, не ли на них рисунков. Совсем недавно в 1925 году экспедиция из западно-казахстанской области (Казахстан) открыли целый мир наскальных рисунков на реке Усак.

Рисунки на скалах легко перекопировать на прозрачную кальку или восковку, сфотографировать или переписать тому, кто это умеет.

Поиски и изучение наскальных рисунков — интересное занятие.

Внимание: ВОЗДУХ!

В. ЧЕТКАРЕВ

Рисунки А. Януса

Сколько он весит? На это отвела электронно-вычислительная машина «Микс-23». Подсчет массы воздушной оболочки планеты она вела в тоннах. И получила пятерка с пятнадцатью нулями!

Вечный ветер. Атмосфера Земли находится в постоянном движении, установили советские ученые. Ежегодно с января до июля на Северном полушарии в Южное переходит четыре триллиона тонн воздуха. Во второй половине года они совершают обратный путь. И еще любопытный факт. Летом, когда оживает вся природа, атмосфера тяжелеет на триллион тонн.

Главная пища. За сутки каждый из нас потребляет в среднем около килограмма сухой пищи, в полтора раза больше воды, но пропускает при этом сквозь свои легкие до двенадцати килограммов воздуха. Мы выдержали бы пять недель без пищи, пять суток без воды, но не прожили бы и пяти минут без притока кислорода.

ДАМА В ПРОТИВОГАЗЕ

«Спасем наших женщин!» — воскликнула предпринимательница американка Мари-Анна Шерр и сконструировала... миниатюрный противогаз. Как только воздух большого города загрязняется очень сильно, раздается резкий звонок и крышечка футлярика автоматически открывается — аппарат готов к применению.

Идея остроумная, не правда ли? Вместе с тем хочется спросить: а может быть, разумнее думать не над тем, как одеть всех горожан в противогазы, а над тем, как очистить атмосферу?

ПОДСКАЖЕТ „ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК“

Представьте, что какой-то забойный страж не смыкая глаз следит с высоты за каждой дымовой трубой, за каждой чадающей машиной на улице. Это своего рода «золотой петушок» из пушкинской сказки. Чуть закутился где-нибудь воздух, беспоконный крику тут же забил тревогу. На место происшествия уже спешат санитарные врачи.

Раскроем секрет: чудо-петушка уже построили в Киеве. А в первый раз свое «ку-ка-реку» он прокричал в Ленинграде. Там же электронными санитарями скоро будут оснащены Москва, Липецк, Кемерово, Запорожье, Жданов. От караящей десницы врачей теперь не укроется ни один шофер неисправного грузовика, ни одно предприятие, всего на минуту отключившее свою систему пылегазоочистки. Ведь «петушок» — это целая сеть раскиданных по городу приборов. А у каждого прибора — механический нос.

МАГНИТОФОН ДЛЯ ЗАПАХОВ

Внохиваясь в окружающую атмосферу, механический нос способен не только учуять опасные концентрации вредных примесей, но и надолго запомнить все данные, записав их на пленку.

Вокруг нас витают тысячи запахов — вкусной корочкой пахнет от проехавшего фургона с надписью «Хлеб», есть свой аромат даже у только что выпавшего первого снега. Как же не спутать весь этот букет

искусственный обонятельный орган?

Дело в том, что в «магнитофоне для запахов» — особая чувствительная пленка. Она последовательно пропитана разными сложными химическими веществами. Каждый запах воздействует на свой участок ленты. За всеми реакциями на ленте следит специальное управляющее устройство.

КОЕ-ЧТО О ПЫЛИ

Справедливости ради скажем: небо коптит не только заводы. Гусеницы трактора взбивают целые облака пылевых частиц. Горит ли лес или выветривается пашня, извергается ли вулкан или испаряются брызги морских волн — всему этому сопутствует быстрое замутнение воздушной среды. Даже метеор, сгорающий в атмосфере, оставляет за собой темный шлейф.

В каждом кубическом сантиметре воздуха (даже в горах после дождя!) содержится не меньше ста тысяч мельчайших, невидимых глазу частиц. Если вы полагаете, что спрячетесь от пыли где-то у моря, то ошибаетесь: даже в центральной части Атлантики «кубики» воздуха включает тысячи и тысячи пылинки.

Скрупулезные ученые сосчитали: сельский житель выдыхает примерно сорок миллионов пылинок в минуту. А городской? **СТАНДАРТ ЧИСТОТЫ.** Мы на современном заводе. Он выпускает радиоаппаратуру. Как и на любом предприятии, люди тут что-то режут, штампуют, шлифуют. Вот уж, наверное, где пыли-то!..

Берем микроскоп и вглядываемся в воздух. Ни пылинки!

Быть может, ошибка? «Нет,— успокаивают нас производственники. — Воздух чистый. Хотя пыль все-таки есть. Но найти частицу так же трудно, как, скажем, единственный гриб во всей сибирской тайге. Таков стандарт чистоты воздуха в наших цехах».

Как его достыгают? Герметически «задраивают» все двери и

окна, а затем включают кондиционеры с многоступенчатой фильтрацией. За смену они меняют весь воздух в цехе четыре раза!

«НЕ УНЕСИТЕ ПЫЛИН-КУ!» Казалось бы, можно ли заниматься более безнадёжным делом, как считать пылинки! Ан нет, ученых Всесоюзного института медицинского приборо-

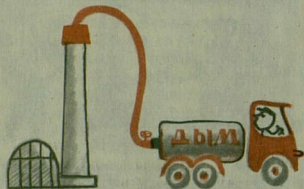
строения увлекла такая задача. И не напрасно! Они сконструировали прибор, взглянув на шкалу которого сразу определишь, насколько загрязнен пылью воздух в цехе, на складе, в любом другом помещении. Новинка умещается в портфеле санитарного врача.

Итак, пылинки сосчитаны. Остается помять...

— Чего проще! — отвечают на это изобретатели из Иркутска. — Устройство, которое на заводах станет работать под девизом «Не уносите домой пылинки!», уже создано. Все крайне просто: рабочий, выходя из пыльного цеха, минует турникет, где воздушный душ вкупе с пылесосом снимет с его одежды всю пыль.

ИЗ ОТХОДОВ— В ПРИХОД

Дома из... дыма. Многие новоселы Красноярска, Таллина, Перми, Ангарска вряд ли догадываются, что они въезжают в дома, построенные с помощью... дыма. Применение это-

му призрачному стройматериалу нашли ленинградские специалисты. Они предложили использовать золу и дымовые частицы при изготовлении цемента самого высокого качества.

Если бы не новые дымоуловители, то на каждый гектар земли вокруг тепловых электростанций оседало бы несколько тонн пыли. Сейчас черный порошок улавливают специальные электрофильтры. По трубопроводу он подается в цистер-

ны «дымовозов», которые доставляют его на цементные предприятия.

ПРИЗЫВАЕМ НА ПОМОЩЬ...

СНЕГ... Обыкновенный сугроб сибирские инженеры поставили на службу охраны нашей атмосферы. Продувая сквозь слой ажурных снежинок запыленные выбросы промышленных предприятий, они получают на выходе совершенно чистую воздушную струю.

— Необычное «сито» может построить каждый, — утверждает изобретатель В. В. Милохов. — Свежий снег — самый лучший. Белое «одеяло» толщиной до двадцати сантиметров расстилается на металлической сетке на пути загрязненного воздушного потока. Оказалось, что на том же принципе в пыльных местах, например, на открытых разработках полезных ископаемых, могут действовать зимой и личные средства защиты — шлемы со снежными фильтрами.

...МЕТЕЛЬ... Если под землей, в шахте, где, вздымая пыль, скрежещут сразу сотни механических рудокопов, создать зону искусственной метели, то прошедший сквозь нее воздух «отмывается» практически досуха. Но легко ли в шахте создать метель?

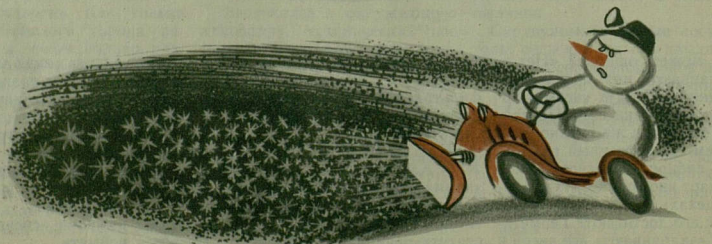
— Легко, — отвечают специалисты рудника имени Матросова на Колыме. — При условии, что под землю мы пустим мороз. А потом мы приступим к главному: смешаем два воздушных потока — «студеный»

(с температурой в минус тридцать градусов) и «морозный» (подогретый до минус десяти). Две струи, столкнувшись, и образуют снежный вихрь. Пылинки при этом служат теми ядрами, на которых и образуется снежная изморозь. Вывези этот снег — и в подземелье снова станет чисто!

...И ДОЖДЬ. Легко ли дышится после дождя? Что за вопрос — конечно! Эту всем известную истину удалось подтвердить и в цехах Волховского алюминиевого завода, где ученые внедрили так называемые мокрые методы газоочистки.

— Представьте, — рассказывает инженер В. С. Буркат, — что на бьющий вверх по трубе грязный воздушный поток обрушится облако водяных капель. Влага и окажется той «промокашкой», что всосет в себя мельчайшие частицы дыма и гари. А если вместо воды разбрызгать химический раствор? Такой дождик впитает в себя и все вредные газы. Небо над головой будет ясным.

ИРИНА РОДНИНА

Ее привела на каток суровая необходимость. После серьезного заболевания легких врачи посоветовали Ирине занятия на свежем воздухе, и мать записала ее в секцию фигуристов. Когда ее увидел знаменитый тренер Петр Петрович Орлов, он отозвался о ней так: «Роднина — это огонь, это вулкан».

В 1964 году состоялось знакомство Ирины Родниной с тренером Станиславом Алексеевичем Жуком. Встреча определила дальнейшую судьбу фигуристки.

Часто после тренировок они — учитель и ученица — шли вместе одной дорогой. Уже тогда, задолго до будущих побед, они обсуждали свой, ни на чей не похожий стиль катания.

— Разве обязательно фигурное катание должно походить на классический балет? — делилась своими сомнениями Ирина. — Я люблю скорость и риск. Люблю народную русскую музыку.

Ее партнером стал Алексей Уланов. Началась работа над созданием дуэта. Работа труднейшая. Ведь в дуэте звучат два разных голоса, они не должны забивать друг друга, должны звучать согласованно.

Большой спорт это не игра в поддавки. Он не терпит слабых духом, нерешительных и сомневающих в себе. Борьба в нем бескомпромиссна. И действуют в нем настоящие бойцы.

Впервые Ирина Роднина стала чемпионкой мира в американском городе Колорадо-Спрингс в 1969 году. После исполнения танца «Калинка» все на трибунах встали и долго аплодировали.

Но в 1972 году дуэт Ирина Роднина — Алексей Уланов распался. Слово Станиславу Алексеевичу Жуку:

— Когда распалась эта пара, я, честно говоря, думал, что Ирина закончит кататься. Но у Родниной было иное мнение. Она убедила меня, что можно создать новый дуэт. Начались поиски партнера. Александра Зайцева я знал и прежде по сборной Союза. Пробные тренировки продолжались всего пять дней, таким коротким был испытательный срок. Началась работа.

На одной из этих тренировок мне довелось побывать. Должен признаться, что это порой не менее интересное зрелище, чем официальные выступления фигуристов. Каждый элемент отработывался по многу раз. Тренер то и дело подзывал Роднину и Зайцева к небольшому телеэкрану и указывал им на такие штрихи, которые непосвященному было бы и не заметить. Причем у тренера вид был намного более усталый, чем у спортсменов. Голос его охрип. Он комментировал движения фигуристов, сам выезжал к ним, показывал, как надо делать.

В таком напряженном ритме они тренировались по шесть часов в день. И произошло невероятное. Уже через полгода новая пара Роднина — Зайцев превосходно выступала на международных турнирах с новой программой «Метелица», насыщенной веселыми и азартными ритмами русской народной музыки.

Когда-то Ирина Роднина сказала: «Я хотела бы научиться кататься на льду так же легко и естественно, как ходишь по земле».

Она этого достигла.

В. НЕЧАЕВ
Оформление
Б. Петрушанского

МОЙ ЖИВОЙ УГОЛОК

У меня
пока
не живет кабарга.
Пока
горилл
мне никто не дарил.
Макак
не смог я достать никак.
Но есть у меня
живой уголок:
пока
малька
поймал я в реке.
И вот он—живой!
И он—в уголке.

Коля Иванов,
Свердловск

НА ПОЛЯНЕ

На поляне два зайчонка
Пели громко, пели звонко!
Белки песню похвалили,
Лягушата подхватили,
Да пришел медведь—
Начал тоже петь!

Испугались два зайчонка—
Заревели громко-громко!..
Белки мигом убежали,
Лягушата ускакали.
Но чего же они испугались?
Почему же они разбежались?

Потому, что медведь-то не пел.
Ревел!!!

Жанна Сидорова,
Московская область,
Ликино-Дулево

Рисунок А. Ивашенцевой

Одному приходится Михеичи идти в детский сад!

Вообще-то можно было бы взять с собой дедушку, если бы... Если бы не дедушкины пчелы! Ну просто совершенно невозможно оставить этих пчел одних, без присмотра. Сразу же начинают жалить всех без разбора и у них совершенно не остается времени, чтобы делать мед!

Штафен МЕЛЬНИК
Пересказал А. Лосев
Рисунок Т. Соловьевой

В гостях у „Уголька“ журнал молдавских ребят „Стелуц“—„Звездочка“.

ИВА

Говорливая речка течет, а над ней молчаливо, Терпеливо склонилась серебристая старая ива. И порою мне кажется, как погляжу на нее: Это мама на речке стирает, полощет белье.

Мои ЯКИМОВ
Рисунок Ф. Васильевым

ЛОЗА И НИКОЛЕТА

Рисунок Т. Соловьевой

Уж не знаю как, но только виноградная лоза узнала, что Никоleta еще маленькая и нельзя ей одной уходить из дому. Что делать? И лоза сама пошла к Николете.

Сначала она под землей ползла. Ползла, ползла и доползла до дома, где живет Нико-

БОГАТЫРЬ

Зима гуляет без дорог
Во всю земную ширь.
Под снежным пологом прилеж
Зеленый богатырь.
Он видит лето в полусне,
Себя над всей землей
В чеканной золотой броне,
В короне золотой.
Не отвлекает старика
Случайной выюги шум,
Течет спокойная река
Его широких дум.
Как накормить тебя, родной,
Чтоб вырос и окреп,—
Об этом думает зимой,
Под снегом лежа, хлеб.

Виталий ФИЛИП

Рисунок Т. Капустинной

2

Рисунок Ф. Васильевой

ДУЦЭ И ЕГО САНИ

Все семеро в сани уселись и
вниз

По скользкому
склону

с горы

понеслись!

Все семеро звонко смеются:
Обратно потащит их Дуцэ!
— Не тяжело ли для одного?
— А как же? Ведь сани-то эти
его!

Виталий ФИЛИП

7

лета. И тут ей пришлось карабкаться по стене, все выше, выше и выше...

Зато теперь, когда лоза хочет угостить Николету виноградом или Николете хочется угоститься виноградом лозы, девочке достаточно просто выйти на балкон и выбрать гроздь покрасивее.

Не зря дедушка говорил, что виноградная лоза очень добрая!

Николае ЕСИНЕНКУ

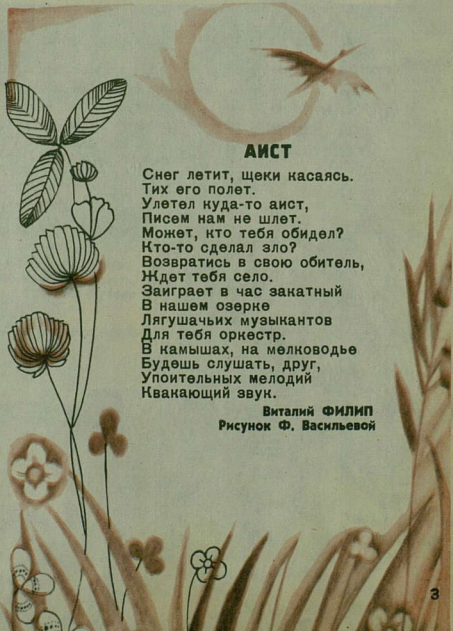
ПЕС ПОД СНЕГОМ

Где стояла конура
Посреди двора,
Снега белого гора
Выросла с утра.
В глубине большой горы
Крепко спит Трезор.
Нет ни хода, ни норы
Из горы во двор.
Снится, бедному, в снегу
Суп и колбаса...
За лопатой побегу —
Откопаю пса!

Рисунок Т. Соловьевой

6

АИСТ

Снег летит, щеки касаясь.
Тих его полет.
Улетел куда-то аист,
Писем нам не шлет,
Может, кто тебя обидел?
Кто-то сделал зло?
Возвратись в свою обитель,
Ждет тебя село.
Заиграет в час закатный
В нашем озерке
Лягушачьих музыкантов
Для тебя оркестр.
В камышах, на мелководье
Будешь слушать, друг,
Упоительных мелодий
Квакающий звук.

Виталий ФИЛИП

Рисунок Ф. Васильевой

3

С ТЕЛЕГРАФНОЙ ЛЕНТЫ

Из штаба Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК) поступило срочное важное сообщение:

«Всем, всем, всем! Шахмат-адмирал Ферзьбери объявил прием заявок от желающих помериться силами в Олимпийском турнире Арчебека.

На вопрос: «Кого примут?» — отвечаем:

— Примут каждого, кто пришлет заявку!

На вопрос: «Будут ли отмечены победители?» — отвечаем:

— Победителям — награды и спортивные разряды!

На вопрос: «Когда начало?» — отвечаем:

— В январе!

На вопрос: «А если я не умею?» — отвечаем:

— Неумеющих зачислят в особый отряд!

Спешите, спешите, спешите записаться в Олимпийский турнир шахматистов и шашкистов!

Заявку («Прошу принять меня...») пишите на открытку.

СДАЙ ЭКЗАМЕН ПЕШКОЕДОВУ!

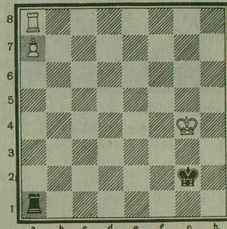
Доблестный рыцарь, знаешь ли ты, что по шахматной статистике половина всех партий решается в окончаниях? И знаешь ли ты, что 50 процентов окончаний — ладейные? А потому, чтобы побеждать в соревнованиях, шахматист должен изучить «характер и повадки» ладьи в конце игры.

На диаграмме — эту А. Тронцко-го, но представь, будто это твоя партия, в которой ты играешь белыми. Кажется, что тут так легко выиграть... Стоит пешке шагнуть, и она — ферзь. Но как такой шаг сделать? Ведь твою ладью ни на миг не может уйти с поля а8: пешка останется незащищенной. Отойдя ладью с шахом — другое дело. Однако черный король спрятался от нее, спрятавшись за... спину твоего короля!

Как же действовать? Оторваться от навязчивого спутника не удастся: 1. Крh4 Крh2, или 1. Крf4 Крf2

2. Крe5 Крe3 и так далее. А не пойдти ли королем вплотную к пешке и этим вывести ладью? Попробуй! 1. Крf5 Крf3 2. Крe6 Крe4 3. Крd6 Крd4 4. Крe6 Крe4 5. Крb6. Конечно, если черные, продолжая игру в прятки, пойдут 5... Крb4, то последует 6. Лh8, а затем a8Ф с выигрывшем. Но черные на 5. Крb6 ответят 5... Лb1+ 6. Кра5 Лa1+ 7. Крb6 Лb1+ 8. Крe6 Лa1...

Подумай, рыцарь: как же тут выиграть? Сдай экзамен Пешкодеву!

У НАС В ГОСТЯХ

В АРЧЕБЕКЕ побывал барон Мюнхаузен...

— Поздравляю вас, дорогой адмирал!

— С чем, барон?

— С чем?! С моим потрясающим успехом! С моей потрясающей победой! Это не мои слова, Ферзьбери, так все говорят. Вы только представьте себе... Прогудившись я по парку, не имея ни малейшей мысли о шахматах, как вдруг ко мне целая делегация: «Выручите, любезный барон... У нас международный турнир... Один участник не прибыл...» Охотно, говорю, господа, заменил бы его, но завтра я улетаю в космос. И что вы думаете, Ферзьбери? Они тут же усадили всех участников турнира в ряд, чтобы я дал сеанс одновременной игры. Представляют? Пятнадцать гротескных, из них четырнадцать международных! Нет, нет, не спрашивайте фамилии — я все равно не назову. Вы же знаете мою скромность, адмирал!

Вот начинаю я сеанс и сразу чувствую себя в необычайном ударе! Варианты, один лучше другого, так и мелькают в голове. Рассчитываю на десять, на двадцать... да нет — больше: на тридцать ходов вперед! И вот результат: пятнадцать гротескных, давно забытых, как выговаривается слово «слаосх», получают мат. Все пятнадцать! Меня хотели тут же, на месте, провозгласить чемпионом всех времен, но я сказал: «Не надо, господа, я за славою не гонюсь. Считаю меня чемпионом нашего века, и хватит».

— Интересно. И вы можете, барон, показать что-нибудь из сеанса?

— Конечно! Хотя сто партий! Но у меня с собой только три. Опубликуйте их — ваши рыцари должны изучать мое творчество! И не забудьте указать, адмирал, что в этих партиях я играл белыми.

Барон Мюнхаузен распрощался и ушел. А вот то, что он оставил.

№ 1. 1. e4 c2 2. Кc3 d5 3. Кf3 d4 4. Кe4 Кf6 5. e2 Кbd7 6. Кd6Х.

№ 2. 1. e4 e6 2. d4 d5 3. e5 c5 4. Фg4 cd5 5. Кf3 f5 6. Фg3 Кc6 7. Ce2 Cd7 8. К:d4 К:d4? 9. Ch5+ Крe7 10. Фа3Х.

№ 3. 1. e4 e5 2. Кf3 d6 3. Ce4 Cg4 4. Кc3 g6? 5. Кe1! C:d1? 6. C:f7 Крe7 7. Кd5Х.

Ну что ж, партии очень интересные и поучительные. Но, видимо, по ошибке барон вместо своих оставил партии: № 1 — Керес — Арламовский, № 2 — Карфф — Лугач, № 3 — Легаль — Керми.

КТО СКАЗАЛ ЧТО?

Двое играли в шашки. Знай, Незнай и Ползунай наблюдали. Положение стало таким — белые: b4, c1, c5, d4, g1; черные: a7, b6, c7, f4 h4. Игроки ходили быстро — 1. ba5 hg3 2. cd2 gh2 3. g12 hg1.

— Ну, теперь белые проиграли! — сказал (кто?).

— Ничего еще неизвестно, — сказал (кто?).

— Черным слаться пора! — сказал (кто?).

Доблестные рыцари! Определите, что сказал Знай?

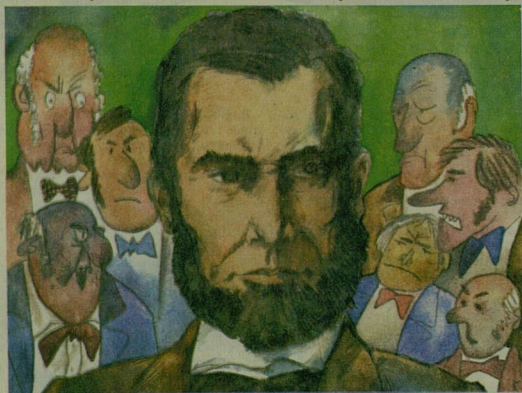

КТО КУДА СОБИРАЕТСЯ

Эта история случилась, когда Авраам Линкольн, борец против рабства, был еще молодым политическим деятелем и впервые выставил свою кандидатуру в конгресс США.

Соперником Линкольна был один священник, который слыл ловким проповедником. В одно из воскресений Линкольн при-

шел послушать проповедь батюшки-политикана. Святой отец старался вовсю! В конце своей проповеди он воскликнул:

— Дети мои! Я прошу встать всех, кто не хочет попасть в такое неприятное место как ад!

Многие встали.

— А теперь встаньте те, кто хочет попасть в рай! — возопил священник.

Встали все, кроме Линкольна.

— Интересно, куда же собираетесь отправиться вы, мистер Линкольн? — ядовито спросил священник.

— В отличие от вас, — спокойно ответил будущий президент, — я собираюсь попасть только в конгресс.

ДЛЯ ЧЕГО НОВИНКА

В городе Спрингфилде, где жил в ту пору Линкольн, од чистый на руку богач украсил свой дом громмоотводом, что по тем временам новинкой.

Разоблачая грязные махинации этого человека в одной чей, Линкольн под хохот собравшихся бедняков заметил:

— Недаром этот набожный господин выставил громмоу себя на крыше — ведь в Библии сказано: «Господь по молнии воров!»

„КАК ТОТ ФЕРМЕР...“

Эта присказка часто мелькала в речах Линкольна, сына стого народа. Когда правительство США начало захватную войну против Мексики, он говорил в конгрессе: «Н правительство ведет себя, как тот фермер, который утверждает совсем не жадный, я хочу прибрать к рукам только ту землю, что лежит рядом с моей».

Рабочий Шелгунов — ученик
Ленина

очерк Н. Ходзы

2

В тюрьме

рассказ Б. Раевского

рисунок

В. Бескаравайного

5

Барабан

журнал юнкоров

12

Как сверкает „Зарница“

фото Н. Карасева

и К. Янушко

16

Курс—Победа!

18

Тройка с минусом, или

Приключения в пятом „а“

повесть И. Пивоваровой

рисунок Ю. Шабанова

20

Макарка, юный чапаевец

рассказ С. Новикова

рисунок А. Аземши

34

На выставке „Костра“

36

Морская газета

40

Флагман с атомным сердцем

42

Шайбу, шайбу!

рассказ И. Мельникова

рисунок Л. Вознесенской

44

Особые способности

очерк М. Нелидова

46

Красная конница

Б. Алмазов

48

Комсомольское поручение

рассказ

Александра Варшавера

рисунок А. Ежелина

52

Зеленые страницы

54

Внимание: воздух!

подборка В. Четкарева

рисунок А. Януса

56

Ирина Роднина

зарисовка В. Нечаева

59

Уголёк

журнал для малышей

60

Арчебек

шахматы и шашки

63

На обложке

рисунок В. Курдова

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

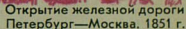
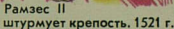
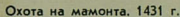
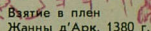
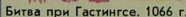
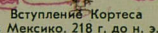
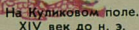
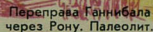
Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, В. М. ВОСКОБОЙНИ-

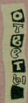
КОВ, Т. В. ЗАХАРОВА, П. А. КОЗЛОВ

слушавшиеся даже сами учителя. К сожалению, один раз Демьяню по рассеянности включил машину в сеть напряжением 220 вольт вместо 127 вольт, что-то в ней перегорело, и ее пришлось переделать в овершортер. На память о поездках в прошлое у Демьяны осталось несколько зарисовок. Но даты и названия событий, изображенных на них, за давностью перепутаны. Если вы не поможете Демьяне восстановить правильный порядок, ему грозят в этой четверти неважные отметки по истории.

1. Битва Александра Невского со шведами. 2. Битва при Калке. 3. Куликовская битва. 4. Первая русская революция. 5. Начало Великой Отечественной войны. 6. Год рождения А. С. Пушкина. 7. Год Курской битвы. 8. Основание Петербурга. 9. Год рождения Ломоносова. 10. Битва при Рязане, описанная в «Слове о полку Игореве». 11. Освобождение русскими войсками Болгарии от турецкого ига. 12. Год рождения Л. Н. Толстого. 13. Ледовое побоище. 14. Год, когда исполнится 100 лет победы над фашистской Германией. 15. Грюнвальдская битва. 16. Занятие Берлина русскими войсками в Семилетней войне. 17. Штурм Пугачевым Казани. 18. Освобождение Москвы ополчением Минина и Пожарского. 19. Свержение Российской старости ига. 20. Первая демонстрация А. Поповым беспроволочного телеграфа. 21. Начало первой мировой войны. 22. Основание Бонны династии Габсбургов. 23. Путешествие Фаддея Никитина в Персию. 24. Начало восстания Степана Разина. 25. Смерть князя Владимира Святославовича. 26. Битва при Бородине. 27. Первое летописное упоминание о Москве. 28. Год рождения В. И. Ленина. 29. Запуск первого искусственного спутника Земли. 30. Взятие Иваном Грозным Казани. 31. Начало похода Ермака в Сибирь. 32. Восстание декабристов. 33. Победа над фашистской Германией. 34. Полтавская битва. 35. Чесменская битва. 36. Дата первого похода Олега на Цергград по летописному исчислению (привыбавить 5508 к году по нашему летоисчислению).

1. Встреча на экваторе жителей Северного и Южного полушария.
2. Лысую голову. 3. Тот, у кого самая большая голова. 4—8. Изобретения для любителей экономии. 9. Перчатки для пианиста. 10. Пятно от супа на скатерти, залитое для маскировки чернилами. 11. Нечистая сила равна нечистой массе, умноженной на ускорение. 12. Буква С. 13. Мышь из кушину наблюдает солнечное затмение. 14. У кошки, спящей на отопительной батарее. 15. Осталось 2 свечи. 16. Собака, 17. 8 печке.

„СНЕГУРОЧКА“

Аня Будневич, 12 лет, Ленинград